

26.89
H-12-13

№ 16

10 - Н-72
Комитет по культуре и искусству
администрации г.Ливны

Краеведческий музей

На берегах Быстрой Сосны

№ 16

Ливны, 2003г.

64068
Ливенская ЦБС
Львовской области

Редакционная коллегия: А.Ю.Максимов, О.Н.Булатников,
О.Л.Якубсон, В.Н.Барабанов, Г.И.Цибизов.

Оформление обложки — художник Владимир Артамонов.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

При перепечатке материалов альманаха ссылка на источник
обязательна.

Содержание:

А. Артемьев. Город Ливны и Ливенский уезд Орловской губернии.....	4
<i>Имена, прославившие край</i> Редактор районной газеты.....	28
Олег Якубсон. Возможен ли плешковский ренессанс?	35
Василий Поляков. Так сражалась гвардия	54

Периодическое издание «На берегах Быстрой Сосны» рассчитано на широкий круг читателей и прежде всего учителей и учащихся, интересующихся вопросам краеведения.

Город Ливны и Ливенский уезд Орловской губернии*

Орловская губерния, открытая в 1778 году, не изменилась в своем составе, за исключением того, что в 1796 году город Дешкин обращен в заштатный, а уезд его присоединен к Болховскому уезду. Несмотря на то, что она лежит почти в середине России, в полосе, уже давно принадлежащей Российской Державе и давно заселенной, нельзя сказать, что она представляет удобно и правильно сконцент-

*Санкт-Петербург. Министерство внутренних дел. 1860г. Печатается с копии, хранящейся в фондах Орловского краеведческого музея.

рированный округ. Общая фигура его, по расположению уездов, походит на фигуру областей пограничных, в которых политическая необходимость вынуждает иногда невольно растягивать границы, учреждать уезды неокругленные, почти несвязанные между собою. Стоит взглянуть на карту Орловской губернии, чтобы убедиться в справедливости такого замечания. Почти весь уезд Брянский вдвинулся в губернии Калужскую и Черниговскую, а уезды Малоархангельский, Ливенский и Елецкий представляются каким-то наростом в общей фигуре губернии. Они как будто насильственно присоединены к ней, потому что протянулись один за другим полосой между губерниями Тульской и Тамбовской, Воронежской и Курской и соединяются со своей Орловской только через посредство уезда Малоархангельского, касающегося с ядром губернии наименьшею стороною своей площади.

Один из этих уездов, именно Ливенский, составляет предмет настоящей статьи, которой статистическая часть основана преимущественно на официальных данных.

Причины, по которым из двенадцати уездов Орловской губернии избран для обозрения уезд Ливенский, суть следующая: уезд этот, будучи один из первых по величине пространства, есть многолюднейший по населению и замечателен по развитию в нем земледелия и год от году возвышающейся хлебной торговле.

Площадь его, имеющая довольно правильную фигуру параллелограмма, растянулась от севера к югу, равняется 482 067 десятинам (1=1,09 га=10930 кв.м, прим. ред), что составляет 4 628 квадратных верст (1 верста=1066,7 м) или более 94 кв. миль. По такой величине уезд Ливенский превосходит Силезию и многия другия герцогства и княжества Западной Европы.

Поверхность Ливенского уезда довольно гористая, хотя в сущности эти возвышенности суть не иное что, как берега рек и речек. Должно заметить, что в соседстве с уездом Ливенским, именно в юго-западной части уезда Малоархангельского, находится, по-видимому, самый возвышенный пункт Орловской губернии, служащий водоразделом системе Волжской, Донской и Днепровской. Уезд же Ливенский составляет восточный склон этого водораздела, обозначаемый течением реки Сосны.

Присовокупим еще, что наибольшую возвышенностью и более

сплошными холмами отличается северная половина уезда, лежащая по левую сторону Сосны. Южная половина имеет другой характер. В ней уже весьма заметен переход к степи: и без сомнения отселе должно считать начало степей Придонских. Впрочем, то же самое можно сказать и о северной половине Ливенского уезда, чем далее она простирается к востоку. Уже нередко в этих местах глаз долго скользит по поверхности, не находя предмета для остановки. Поля раскидываются широко, и из глубины их редко где зачернеется сельская усадьба или блеснет крест колокольни. И, конечно, этой самой причине, то есть близкому соседству степи, должно приписать то обстоятельство, что горы и овраги Ливенского уезда, в сущности довольно отлогие, представляются скалистыми кручами, в особенности оттого, что обрывы этих гор и оврагов состоят нередко из сплошного известняка.

Вообще же, почва Ливенского уезда черноземная и плодородная, хотя местами и требует удобрения. Подпочва глинистая и лежит везде на известковом слое так называемой девонской формации. Местами встречается довольно торфа, но он не разрабатывается. Руд по уезду не замечено.

Общая покатость площади Ливенского уезда к востоку и даже к юго-востоку, при отсутствии лесов и болот, имеет важное влияние на климат. Отличаясь вообще сухостию, уезд Ливенский весьма нередко подвергается, особенно в южной части, действию восточных ветров, которые летом производят засуху, а зимой поднимают сильные и продолжительные метели.

И при всем том климат Ливенского уезда далеко не похож на климат соседней Курской губернии: там могут на открытом воздухе произрастать грецкий орех, горький каштан, шелковица, кизил, а в благоприятные годы даже виноград, разводятся арбузы и дыни, об этих растениях нечего и думать в Ливенском уезде. По замечанию академика К.С. Веселовского, в этом отношении разница так велика, как будто Ливенский уезд от Курской губернии отделяется пространством не в одну сотню верст.

Что касается фауны, то в Ливенском уезде как из класса млекопитающих, так и из других классов животных водятся все свойственные этой полосе. Замечено только, что из зверей в последнее время

стало более показываться волков, хотя они не так смелы и опасны, как водящиеся в местностях лесных. Из птиц в особенности много перепелов; дрохвы и стрепеты встречаются редко. Реки и речки богаты рыбою, преимущественно мелкою.

Приступим теперь к обозрению населения Ливенского уезда и его промышленной деятельности. Но предварительно считаем нелишним представить краткий очерк истории заселения этих мест.

В ту пору, когда только "пошла русская земля", на берегах Оки и до берегов Сосны, в лесах, жили Вятичи, соплеменники Радимичей, народ дикий, суровый: живяху в лесе, якоже всякий зверь, ядуща все нечисто: и срамословие в них и пред отци и пред снохами, браци не бываху в них, но игрища межю силы: схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бесовская игрища и ту умываху жены себе, с нею же кто свещавшеса; имя уже по две и по три жены. Аще кто умряше, творяху тризну над ним и посем творяху кладу велику, и возложашут и на кладу мертвеца, сожьжаху, а посемь собравши кости, сложашу в судину малу и поставяху на столпе на путех. Так описывает Вятичей преподобный Нестор, прибавляя к тому "еже творяг и ныне", то есть в его время, XI веке. Таковы были исконные обитатели Ливенского уезда, по крайней мере северной его половины, лежащей по левую сторону Сосны.

Собственно говоря, в летописях не находится прямых указаний, что пространство, занимаемое ныне Ливенским уездом, входило в состав земли Вятичей; но сомневаться в этом, кажется, нельзя, а разве можно ограничить такое предположение тем только, что эта местность частью и Севере, жившей на юго-западе от Вятичей по рекам Семи и Десне. Во всяком случае, реку Сосну, быть может, нужно признать межою, разграничивавшею земли этих двух племен.

Вятичи платили дань Хазарам и не хотели подчиняться добровольно Князьям Русским. Их покорение начато было Святославом; но оно было непрочное, потому что Владимиру пришлось снова покорять их. Чтобы тверже стать в этой стране, Владимир "нача ставити грады" и вскоре затем инок Киево-Печерской обители Св. Кукша с учеником своим начал просвещать Вятичей учением евангельским и многих окрестил; однако апостольские подвиги этих тружеников кончились тем, что св. Кукша "по многих муках усечен бысть с свои

учеником”.

Вообще Вятчи, как видно, пытались неоднократно восстановить свою независимость, потому что и позднее в летописях мы неоднократно встречаем известия об усмирении их восстаний. По смерти Ярослава I земля Вятчей досталась Святославу и таким образом присоединена была к Книжеству Черниговскому, с судьбами которого и связывалась ее судьба, дотеле пока все отдельные княжества соединились окончательно с Державою Московскою. Уже с III века в земле Вятчей встречаются города: Вщиж (в нынешнем Болховском уезде), Болдаж (в уезде Дмитровском), Домагощь (в уезде Мценском) и Брянск, Мценск, Карачев — нынешние уездные города.

С завоеванием Чернигова Монголами низовья Десны и Семи, собственно земля Северская, богатая населением, запустела и сделалась кочевьем Монголов, потом перешла под власть Литвы. С этого времени можно считать реку Сосну южною границею Руси. И действительно, с того времени линия, идущая от реки Мокши на юго-запад, до впадения Семи в Десну, служила чертою, отделявшею так называемую Польскую Украину от Поля. К юго-востоку от этой черты начиналась уже пустыня, привольное обиталище ордынцев, страшных своими набегами. Вот как описывал эту пустыню диакон Игнатий, находившийся в свите митрополита Пимена, ездившего в 1389 году из Москвы в Царьград. Путешественники плыли по Дону, начав плавание гораздо выше впадения Красивой Мечи. “Бысть же сие путное шествие печально и унынливо, бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети там ничтоже, ни града, ни селы: аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зело видением места, точию пустожь все и ненаселено: нигде бо видети человека, точию пустыни велия и зверие множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, бобры; птицы орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая и бяше вся пустыня великая”.

Во второй половине XV столетия, с падением Золотой Орды, степи от Кавказских гор заняли Малые Ногаи; а далее на запад в Крыму основалась новая независимая Татарская Орда. “Сие новое гнездо хищников, славных под именем Татар Крымских, до самых позднейших времен беспокоило наше отечество, говорит Карамзин. И действительно, от этих самых пор Крымцы сделались опасными и бес-

покойными соседями Руси, широко растянувшейся, но еще неустроенной внутри. Беспреданно дружась то с нами, то с Литвою, обсылаясь грамотами и подарками, Крымцы внезапною грозою налетали то на наши, то на Литовские владения, грабили, разоряли и вновь удалялись в широкие степи. Еще более поддерживалась их наглость покровительством Падишаха и Турков, в ту пору наводивших страх на всю Европу.

После 250-летнего подданства России Орде Золотой надобно было пережить период еще в 300 с лишком лет, пока и пала Орда Крымская, сокрушенная русским оружием. Но зато в течение этого периода, удаленного от нас еще незначительным пространством времени, набеги Крымцев оставили по себе надолго неизгладимые впечатления в памяти народной. Еще и поныне во многих местах Украины и Малороссии свежи воспоминания об этих временах. Еще и поныне дети крестьян, найдя муравьиную кучу, пугают муравьев заунывно-протяжным окликом: “Татары идут...”, как во время оно подобным же окликом пугали и предостерегали самих жителей, и клик этот заставлял их бежать и укрываться от неумолимых врагов...

Нынешний Ливенский уезд был, так сказать, большою дорогою, по которой устремлялись толпы ордынцев на землю русскую. Это подтверждается не одними устными преданиями, но и современными письменными документами.

“Книга Большого Чертежа” (изд. Г.И. Спасского, М. 1846) — этот драгоценный свод географических данных о допетровской России, содержит в себе положительные указания, что город Ливны был воротами, от которых расходились в три стороны знаменитые татарские дороги (шляхи): Муравская, Изюмская и Калмиусская. Эти три дороги для Большого Чертежа служили как бы меридианами или градусами широты, потому что по направлению их определяется роспись всех урочищ: все реки и колодези (ручьи) и на реках татарские перевозы и перелазы (броды)... И от Ливен от города тремя дорогами до Перекопа: дорогою Муромским шляхом, дорогою Калмиусскою, середнею дорогою изюмскою... и теми тремя дорогами... татарове приходят на Русь”. Упомянутые три дороги от Ливен, с правого берега Сосны, направлялись таким образом: влево, на юго-запад, шла дорога Калмиусская, за речки Кшень и Олым, ныне она совершенно

табыта и потеряна; прямо на юг, чрез нынешнюю Ламскую подгородную слободу, вдоль левого берега речки Кшени, шла дорога Изюмская, направлявшаяся на Старый Оскол; шлях Муравский уклонялся от Ливен вправо, на юго-запад, чрез подгородную Беломестную слободу и шел ближе к реке Тиму. Последние две дороги, Муравская и Изюмская, еще известны и поныне под именем Муравки, хотя и не везде они пролегают чрез те самые урочища, какие упоминаются в книге Большого Чертежа. След этой дороги означается и другими признаками. Так, в апреле 1856 года близ реки Кшени, у сельца Платавца, в 50 в. от города крестьянин г-жи Каличинской выпалал плугом древнюю кольчугу. Ливенский Городничий представил ее Орловскому Губернатору; где она ныне — нам не известно. Часть Муравской дороги, идущая от Ливен на север, к Туле, хотя также потерялась в памяти народа, однако и теперь названия некоторых местностей прямо указывают ее направление и разных ветвей ее дороге Лесной, Свиной, Пахнутцовой. Так на нынешней Новосильской дороге в 22 верстах от Ливен, при речке Любовше есть деревня Русский Брод, а несколько далее сельцо Татарский Брод.

Здесь, кстати, заметим, что по этой же Новосильской дороге, близ церкви села Здоровца, в 10 верстах от Ливен, на берегу речки Лесной Ливенки есть урочище Луг Ертаровка. По преданию название это происходит от того, что во время Азовского похода Петра Великого на этом лугу останавливались рейтары.

По дороге к Ефремову, в 5 верстах от Ливен, ниже соединения Лесной и Полевой Ливенок на берегах видны остатки старинных укреплений, а в близлежащей от этого места деревне Дутой и ее окрестностях сохраняется предание, что в этой деревне была прежде церковь, но лет 250 назад ее разорили Татары, погрязшие потом в прибрежных болотах Полевой Ливенки. Это предание рассказывают и в ближайшем к деревне Дутой селе Воротынске. В этом же селе рассказывается еще любопытное предание, будто здесь приютилась беглая потемкинская женщина, по прозванию Воробьева, с четырьмя своими сыновьями. Ныне в Воротынске 26 дворов государственных крестьян Воробьевых, в которых по 9-й ревизии считалось 156 душ мужского пола и 177 женского.

Упоминаемые в Книге Большого Чертежа "татарские перелазы"

или броды через реку Сосну и в настоящее время существуют там же, где они были описаны 200 лет назад. Выше города на устье речки Луковца, в нынешнем Малоархангельском уезде; при устье речки Фошни (Хвоцны), на самой границе Ливенского уезда с Малоархангельским; близ устья реки Трудов, который и называется, как в старину, кирпичным; наконец, брод в самом городе; далее ниже города — брод через р. Кшень при впадении ее в Сосну и потом брод через р. Олым.

Кроме Книги Большого Чертежа свидетельствуют и другие письменные памятники, что уезд Ливенский был театром военных действий между Русскими и Татарами. Так, в 1492 году на поле между рек Быстрой Сосны и Трудов происходил бой между Татарами, ограбившими Алексин, и преследовавшим их князем Федором Колтовским. В 1552 году Крымский хан Девлет-Гирей пробрался по Муромскому шляху до Тулы и после победы, одержанной на р. Шивороне князьями Щербатовым и Курбским, наши легкие отряды гнали Крымцев до самых степей, по всей вероятности, за Сосну.

Точно так же было и во время другого набега Девлет-Гирея в 1558 году: ордынцы достигли уже реки Красивой Мечи в нынешнем Ефремовском уезде, но, сведав о значительных силах, собранных под Тулою, бежали, и князь Воротынский преследовал их до Оскола, но настичь не мог. В 1559 году сделал набеги на Украину, которая началась именно от Ливенского уезда, и на Тульские места Мурза Ногайский Диви, а в 1587 году Саламет-Гирей и Фети-Гирей, разорившие Крапивну. Из наказов Путивльскому воеводе Афанасию Федорову Зиновьеву, данных в 1589 году, видно, что во время набегов Крымцы оставляли свой кош (обоз) "на Осколе и меж Щенева (Кшень) и Алым, или далее или ближе, и потом налегке переправлялись за Сосну и налетали на Русские города. И не одни Крымцы и Ногайцы набегали на нашу Украину: в тех же документах говорится, что в ту пору "воры Черкасские, какой-то Мишук с товарищами, житьем жили по Осколу и по Семи" и беспрестанно угоняли стада из-под Рыльска и даже из-под Новосила.

Вообще должно заметить, что во второй половине XVI столетия как-то особенно усилились набеги Крымцев и разных "воровских людей" на Украину. Правительство Московское пыталось разными

способами обуздать ордынцев, прибегало даже к посредничеству Турции, но все эти меры оказывались безуспешными. В 1586 году в Разрядном Приказе решили для ограждения Руси от внезапных набегов провести "сторожевую черту" по Дону и Осколу и почти на всех опаснейших пунктах основать или возобновить укрепления, городки. Тогда возник и город Ливны. Строителями были воеводы князь Владимир Васильевич Кольцов-Масальский да Лукьян Хрущев. Вместе с Ливнами основан и Воронеж, и велено было, "каковы будут нести на Ливнах про приход воинских людей на Государевы Украйны, и с Ливен посылать на Воронеж, а с Воронежа потому ж на Ливны с вестьми; а ехать которыми дорогами поближе и бережнее; а сторожи воеводам поставить присмотря в которых местах пригоже и станицы потому ж посылать присмотря да о том отписать к Государю". До того же времени эти два города заменялись военными постами на Осколе, при устье Убли, и на Дону, и на Богатом Затоне.

"Сторожевая черта" составляла вал и ров, отделявшие Украйну от поля, от Крымской и Ногайской стороны. На этой черте кроме особенных городов устраивались малые сторожи и станицы, соединительные звенья между городами. От одной такой сторожи к другой с начала весны до глубокой осени обыкновенно от Благовещеньева дня и до Филиппова заговенья (с 25 марта по 15 ноября) беспрестанно разъезжали станичники и служилые люди, наблюдали за целостью укреплений, чтобы не засыпался где-нибудь ров, не разрыли бы где вал, не сломали бы надолб, вообще "дозирали степь и все сакмы (следы) допряма, чтоб воинские люди к городу и в уезд безвестно не пришли и дурна какова не учинили".

При первой опасности или даже при первом положительном известии о движении Татар вся сторожевая линия становилась на ноги. Дозоры усиливались, а уездные жители "по опасным местам без мотчанья с женами и детьми бежали в город и потому ж запасы свои и всякие животы держали в городе, а достальной хлеб устраивали в ямы". В городе также принимались самые деятельные меры к отпору страшных врагов: расписывались служилые и жилецкие люди по местам, где кому в осадное время быть, изготовлялся по городу и острогу весь наряд боевой (артиллерия), как из него стрелять, а также колья и камень; караулы по городу и острогу стояли день и ночь

беспрестанно "крепко и усторожливо, чтобы Татаровя их сонных не скрали". Между тем в Москву и в соседние города немедленно направлялись гонцы, дабы все готовились к отражению неприятеля.

Таково было значение всех сторожевых городов вообще, Воронеж, Курска, Оскола, Путивля, Рыльска; но Ливны были едва не важнее всех их именно потому, что к нему, как сказано было выше, сходились с трех сторон степи три шляха, по которым постоянно устремлялись на Русь Крымцы, Ногайцы, Черкасы и вообще разный сброд людей, "вольные воровские казаки", как обыкновенно называли тогда подобные шайки, давшие повод к сочинению пословицы: "Ливны всем ворах дивны". Вблизи и вокруг Ливен устроены были постоянные сторожи и заставы на следующих местах: ниже Ливен, по течению Сосны, на устье речки Чернавки, где был город Чернавск (ныне село в Елецком уезде); за Ливнами к северу на Муравском шляхе при слиянии Лесной и Полевой Ливенок; на Меловом броде, в нынешнем Мценском уезде, на устье речки Луковца выше Ливен, в Малоархангельском уезде. Короче сказать, все эти посты устроены были на всех "лазах Татарских". Сверх того, в 1594 году думный дворянин Вельминов-Воронцов сделал близ Ливен засеку.

Особенности топографического положения этого города были причинами, что на Ливенцах, кроме обычной сторожевой службы, лежали и другие обязанности: они должны были встречать, оберегать и провожать наших послов и гонцов в Крым и Турцию и наоборот. Через Ливны же ехали гонцы с вестями из сторожевых городов на Москву, а из Москвы отправлялись транспорты с военными снарядами и проч.; в Ливнах строились струги и отправлялись к Воронежу и на Дон; из Ливен нередко высылались вспомогательные отряды в Курск, Рыльск, Путивль.

Но при всем том должно сказать, что пограничная черта была далеко не крепка. Главная причина ее слабости заключалась в том, все сторожевые отряды были малочисленны, а настоящие войска располагались далеко внутри царства, да и то, как известно, не были всегда в постоянном сборе. Оттого сторожевая рать только "промышляла над ворами-Черкасами, переимывала и вешала их небольшие шайки", а никогда не решалась на бой с значительными отрядами ордынцев: при первом появлении такого отряда сторожевая рать от

также переписные 1648 года книги крестьянским и бобыльским дворянам, и пересмотрев всех, кто были из них налицо, разобрали при окладчиках, допрашивая всякого человека порознь и сказки от них взяли за их и окладчиков рукоприкладством.

И по этому разбору оказалось налицо в трех станах Ливенского уезда — Затрутском, Красном и Серболове (отчего не упоминается здесь о четвертом стане, Мокрецком, находившимся за рекою Сосною, — неизвестно. Тем более это непонятно, что значительная часть станов Затрутского и Серболова также были расположены за Сосною, а однако включены в перепись. Что Мокрецкий стан не был безлюден, можно видеть из писцовой книги 1691 года, по которой значится в Мокрецком стане 1778 датчиков или владельцев приписной там к селам и деревням земли) — следующее число разного звания людей:

Сотенных 30, копейщиков 59, рейтаров большого оклада 190, рейтаров меньшего оклада 159, сотенных нетчиков 5, рейтаров, которые от осмотра и разбора бежали и сказок не подавали, за что им быть в солдатах, 37; рейтаров, которые сверх указанного числа 250 человек остались, а у иных лошади худы и сами они скудны, почему также назначены в солдаты, 39; солдат 165, казаков: атаман, есаул и 72 рядовых. Вдобавок к этим выбрано на полковую и городовую службу из отставных 2. Написанных прежде в сказках сотенных и копейщиков с отцами, братьями и с дядьями, отдельно от их семейств 68. Записано же при этом осмотре сотенных 19, копейщиков 50, рейтаров 250, рейтаров-нетчиков 171, солдат 190, донских казаков 55, в городовую службу 996. Итого в Ливнах составилось конных и пеших полковой и городской службы 2569 человек. Да у них же считалось на пашне 1019, недорослей 1104, старых и увечных 189, а всего 2309 человек. Сверх того в Ливенском уезде считалось тогда ливенских черкас полковой службы, которые служили в Рыбинском полку 84 и черкас городской службы 45, а всего 129, да у них было на пашне 81 и недорослей 125, итого 206 человек.

Таким образом все мужское население служилых людей Ливенского уезда простиралось до 5213 человек. Весьма вероятно кажется допустить, что и количество женского пола было не менее того же. Если еще принять в соображение, что в уезде проживали также и

другие сословия, как духовенство, торговые и посадские люди и т.п., хоть в небольшом количестве, например, до 500 человек обоего пола, то все население Ливенского уезда в конце XVIII столетия, кажется, без преувеличения можно будет считать в 11000 человек.

В таком составе Ливенский уезд при первом разделении России на губернии в 1708 году был причислен к Киевской губернии, простиравшейся от Днепра до Донца и Оскола и заключавшей в себе всю Приднепровскую Малороссию, большую часть Русской Украйны и Курской и Орловской губернии и часть Тульской и Екатеринославской. В 1719 году, когда произошло новое разделение России на губернии и провинции, Ливенский уезд отчислен был к Азовской губернии и состоял в Елецкой провинции: в эту пору сосчитано было в нем 4499 дворов; полагая на каждый двор средним числом только по 5 душ, получим общий итог населения уезда в 22495 душ. В 1725 году Азовская губерния переименована была в Воронежскую, так как еще до времени заключения несчастного Претского мира, Азов уже не существовал. Ливенский уезд, оставаясь в той же Елецкой провинции, перешел в губернию Воронежскую, которой и принадлежал до времени образования в 1778 году Орловского наместничества. Из этого периода мы имеем сведения о населении Ливенского уезда за 1766 год. Эти данные собраны были Комиссиею для сочинения проекта Нового Уложения; долженствовавшей, между прочим, "спознать нужды и недостатки каждого уезда по его положению" и сообразно тому разделить Империю на губернии, провинции и уезды. В эту пору население уезда Ливенского оказалось 55055 душ: оно составляло почти третью часть народонаселения всей Елецкой провинции, в которой считалось 175289 душ. Да вообще уезд Ливенский принадлежал к многолюднейшим во всей Воронежской губернии, разделявшейся на 47 уездов.

С учреждением Орловского наместничества границы Ливенского уезда, оставаясь в прежнем виде на севере и юге, изменились с востока и юго-запада. Раздвинувшись с первой стороны до самого города Чернавска, уезд Ливенский сократился с юго-западной стороны, потому что здесь значительное количество земли отчислено было в уезды Малоархангельский и Старо-Оскольский: последний участок в 1782 году с переименованием села Шигры в город, отошел

в уезд Щигровский. С этих пор и до настоящего времени в величине Ливенского уезда никаких изменений не происходило.

Население уезда Ливенского в ту пору считалось, кроме неположенных в подушный оклад, до 57549 душ муж. пола, в том числе однодворцев 33246, помещичьих и однодворческих крестьян 22370, экономических 783 и ямщиков 40 душ. Число жителей самого города Ливен неизвестно; но о величине его можно догадываться по числу домов, показанному в составленном в 1775 году геометрическом плане города. По этому плану значилось в городе и его слободах обывательских домов 674; все они были деревянные и одноэтажные с каменными при некоторых погребам и кладовыми; больших улиц и переулков считалось 48. По такой величине города можно полагать население его от 4000 до 5000 душ обоего пола.

Земли под городом и его слободами считалось 53 десятины 1991 сажень, в том числе собственно под постройками 38 дес. 1934 саж.

Собственно, "город" или крепостной острог (кремль), окружность которого простиралась до 350 сажень (1 сажень = 2 м 13 см), расположен был на довольно крутом мысе, образуемом впадением реки Ливенки в Сосну: теперь большая часть этого пространства занята частными постройками, а также торговой площадью, общественными садами и соляным магазином. Кремль с востока и юга, то есть по берегам Ливенки и Сосны, укреплен был земляным валом, а с севера и запада отделялся от слобод высоким деревянным палисадом, к внутренней стороне которого в самой крепости пристроен был крытый накат с башнями. Кроме того кремль окружен был со всех сторон ровом глубиною в 2,5 сажени. Из кремля в берег Ливенки существовал тайник, подземный ход к колодезю, сохранившемуся доселе, из которого брали воду, когда крепость находилась в осаде. На Красной площади, которая, как сказано, входила прежде в состав кремля, находится в настоящее время питейный дом, известный под названием *Горплаго*. Народное предание утверждает, что кабак получил такое название от того, что *горпл* был во время нападения ордынцев на Ливны. Все эти крепостные постройки в 1779 году были в весьма ветхом состоянии, потому что существовали более двухсот лет.

В кремле кроме обычных крепостных зданий, а также полицейских и судебных стояли каменные церкви соборная Троицкая и Ни-

кольская. Нынешний Троицкий Собор основан в 1809 году уже на новом месте, а прежнее отошло под площадь. Церковь Никольская в 1855 году частью разобрана, оставлена только трапеза с колокольнею. Вне кремля в расстоянии 14 сажень от палисада на берегу Сосны находилась каменная церковь Сергиевская, бывшая прежде мужским монастырем, в котором была и еще церковь во имя Пресвятыя Богородицы Тихвинския. Близ нее, на месте нынешней "красной" площади, стояли в близком одна к другой расстоянии, еще две каменные церкви, Пятницкая и Рождественская, обе упраздненные и разобранные в 1810 году. Неподалеку от этих церквей, где начиналась Егорьевская слобода, была каменная же церковь Егорьевская, перестроенная в 1827 году и освященная во имя Божией Матери всех скорбящих.

С северной и западной сторон вне крепости находились слободы: по скату берега Ливенки, была слобода Стрелецкая, а рядом с нею Пушкарская, Казацкая, а выше — Егорьевская и Ямская; эти слободы частью расположены были и по левому берегу Ливенки до самого ее устья. За рекою же Сосною, против кремля, стояла слобода Ламская-Беломестная (слобода эта ныне считается находящеюся в уезде). В слободе Казацкой была каменная церковь Никольская, 1870 году перенесенная в Ямскую слободу и ныне называемая Казанскою. В слободе за Ливенкою были три деревянные церкви: Успенская, Покровская и Архангельская; из них первая была основана в 1682 году, а в 1795 выстроена вновь уже из камня; остальные же две упразднены вовсе. В слободе Беломестной существовала деревянная же церковь Дмитриевская, разобранная по совершенной ветхости в 1855 году и замененная новою, каменною, основанною в 1840 году. Таким образом, при учреждении Орловского наместничества, то есть ровно за 80 лет до настоящего времени, в Ливнах с предместьями считалось 12 церквей, почти вдвое более нынешнего, хотя жителей тогда считалось, по всей вероятности, на половину меньше нынешнего.

Кроме описанных слобод или предместий города существовали еще поселения воинских служилых людей или "черкасов", под именем которых преимущественно разумелись в старину Малороссийские казаки. Некоторые из этих ливенских черкасов значились людь-

ми "старшинского звания": они не состояли в подушном окладе и не платили никакой подати. Черкасские поселения располагались за предместьями. Некоторые из них существуют и доселе, а именно: под самым городом, на почтовой Орловской дороге, слобода Черкаска, далее на 6 верст по той же дороге, на устье речки Трудов, слобода (а ныне село) Крутое; в 9 верстах от города, на берегу Сосны, слобода Теличье, и наконец, в 12 верстах слобода Речица. Во всех этих слободах с принадлежащими к ним хуторами, по 9 ревизии считалось 477 дворов, а в них душ 2671 муж. и 2999 жен.; все они причислены к разряду государственных крестьян.

Домов казенных в 1779 году в Ливнах не было, и первые две деревянные избы, одна для Уездного Суда, а другая для прочих присутственных мест, выстроены были от казны уже в 1777 году на месте засыпанного рва.

Купечества в городе не существовало, и вся торговля сосредоточилась в руках слободских однодворцев. В 1781 году по указу Орловского губернского магистрата некоторые из торговцев переименованы были в купцов и мещан, но в сущности это не оказывало влияния на изменение торговых дел в Ливнах. Это можно заключить из того, что купцы и мещане жаловались в 1783 году правителю наместничества Неплюеву, а в 1784 — генерал-губернатору Кличке, на "сильные помешательства им в торговле, производимую от городских обывателей однодворцев всякою лавочною и мелочною продажей". Действительно, однодворцы торговали тогда как красным товаром, так и другими, в особенности дегтем, лыками, рогожами, бичевою и железными изделиями. Они имели в красном ряду 31 лавку, в овсяном и дегтярном 28, содержали 6 харчевен (первый трактир в Ливнах открыт был в 1785 году Орловским купцом Новиковым по контракту его с Орловскою казенною палатою, заключенному на 4 года) и несколько погребков, в которых торговали донскою водкою, английским пивом и даже виноградными винами. Продажа хлебного вина принадлежала откупу. Первый откуп питейных сборов "на веру" в Ливенском уезде и в городе начался с 1753 года.

Из разных архивных дел видно, что в тогдашнюю пору главными предметами оптовой торговли ливенцев были мед и рогатый скот, для покупки которых приезжали в Ливны купцы тульские, веневские

и коломенские; сами же ливенцы гоняли гурты скота в Тулу и в Москву. Ярмарки и базары, как видно, происходили в те же дни и сроки, что и ныне; вся разница заключается только в том, что с изменением в течение времени плана города переменялись места торга.

Но недолго после 1779 года город Ливны оставался в прежнем своем положении. 14 марта 1780 года высочайше утвержден план города, во исполнение которого с 1784 года и начались разные изменения в расположении городских построек. Крепостные валы были срыты, а рвы засыпаны, так что от старинного кремля не осталось ничего кроме тайницкого колодца, о котором было упомянуто выше. Ныне на месте крепостных валов и рвов расположены торговая (красная) площадь, сад и некоторые новые здания. Расположение и наружный вид слободы и предместий также преобразился: на болотах, примыкавших к Ямской слободе, выстроилась теперь лучшая городская улица — Соборная, центр торговой деятельности. На месте длинной и кривой улицы Ямской (в ней тогда считалось 168 дворов) пролегает теперь параллельно с Соборною улица Казанская, обстроенная также хорошими домами, в числе которых довольно каменных. Все эти места по плану нового города раздаваемы были под постройки (большею частью участками по 15 сажен по улице и по 40 сажен во дворе) лицам всякого звания, но преимущественно торгового класса, купцам и мещанам. Однодворцам же, ямщикам, войсковым обывателям (черкасам), крестьянам и вообще всем земледельцам селитьба была воспрещена во избежание того, чтобы внутри нового города не было гумен и вообще складов соломы и сена.

Впрочем, в 1785 году разрешено было тем из ямщиков, которые не занимались земледелием, строить дома и в городе, однако в особо отведенном квартале. Где этот квартал находился, положительно неизвестно. Вероятно, ямщики или не пользовались разрешением или перепродали свои дворовые места, потому что в настоящую пору в городе нет вовсе квартала, в котором жили бы преимущественно или хотя большею частью государственные крестьяне.

Вскоре по утверждении нового плана для Ливен, именно в 1781 году, 16 августа, высочайше утвержден и особый герб этого города. Герб состоит из щита, разделенного поперек на две части: в верхней изображается герб Орловской губернии — в голубом поле белая кре-

ского уезда составляет почти пятую долю всей обрабатываемой земли в губернии. В начале статьи, описывая топографию города, мы упомянули, что почва земли почти везде отличается плодородием; далее мы увидим, до какой степени простирается ее производительность.

Наконец, в отношении разделения земли по принадлежности ее разным сословиям, оказывается, что наибольшая часть ее, а именно 51,47%, или более половины принадлежит ведомству государственных имуществ; земли помещичьи составляют 46,66%, остальное, весьма ничтожное количество, менее 2% числится за городом, церквями, купцами и другими собственниками.

Жителей в Ливенском уезде вместе с городом числилось в 1858 году 104765 муж. и 111318 жен., всего 216083 души; в том числе в самом городе Ливнах: 5861 муж., 4977 жен., всего 10838 душ. Со словный состав этого населения распределяется следующим образом:

	Город		Уезд		Всего	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Дворян потомственных	81	76	371	409	482	476
Дворян личных	152	100	26	31	178	131
Духовенства православного белого	85	111	771	1132	856	1243
Потомственность почетных граждан	12	14	-	-	12	14
Купцов	861	702	67	91	928	793
Мещан и цеховых	3194	3293	275	292	3469	3585
Крестьян государственных и всех разрядов	454	181	58306	64914	58760	65095
Крестьян помещичьих	158	102	27459	31236	27617	31338
Дворовых людей	196	95	5981	5846	6177	5941
Военного звания людей	612	249	5598	2345	6210	2594*
Иностраннх подданных	1	5	3	5	4	10

* В том числе: войска регулярного 2582, бессрочно-отпускных и в кратковременном отпуску состоящих 2162, отставных 775, кантонистов и солдатских детей 691 – всего 6210 душ муж. пола.

Людей, не принадлежащих

к показанным						
разрядам	56	62	45	42	101	104
Итого:	5861	4977	8904	106341	104765	111318

Данные эти основываются на показаниях полицейских и определяют наличное население города и уезда. Для сравнения считаем весьма полезным присоединить здесь и подробные сведения о населении приписном, как оно обнаружено последнею десятою народною переписью, производившеюся также в 1858 году. По переписи значится:

	муж.	жен.	всего
Купцов 1 гильдии	16	15	31
2 гильдии	16	11	27
3 гильдии	966	760	1726
Мещан и цеховых	3551	3762	7313
Однодворцев	10783	11563	22346
Крестьян государственных, водворенных на казенной земле	51213	55054	106267
Крестьян государственных, водворенных на собственной земле	95	108	203
Крестьян однодворческих	226	210	436
Крестьян войсковых обывателей	10	12	22
Крестьян помещичьих	25948	26709	52657
Дворовых людей	7236	7474	14710
Мещан, состоящих на льоте	553	302	855
Священно- и церковно- служителей	1213	1309	2522
Отставных солдат	613	1790	2403
Уволенных из кантонистов и т.п.	280	18	298
Итого:	102719	109097	211816

Исполнившемуся 100-летию ливенского писателя и журналиста, Почетного гражданина города Дмитрия Ильича Головина посвящается

Редактор районной газеты

Был август 1930 года. В одном из номеров ливенской городской гостиницы сидели и разговаривали четыре человека. Это были сотрудники вновь создаваемой в Ливнах газеты. Они недавно приехали из города Ельца и теперь обсуждали вопросы, связанные с выпуском

первого номера.

Во время разговора раздался стук в дверь. “Можно”, – сказал один из собеседников, и в комнату вошел молодой человек лет двадцати семи, просто одетый, сам заметно смущенный своим неожиданным приходом.

– Это вы, товарищи, будете издавать газету? – начал он несмело.

– Да. А что вам нужно?

– Вот интересуюсь, когда она выйдет.

– А почему вас это интересует?

– Люблю это дело, – ответил посетитель и вдруг доверчиво улыбнулся.

Его усадили, стали расспрашивать. Из ответов гостя выяснилось, что его зовут Дмитрием Головиным, что он вырос в семье ливенского бедняка-крестьянина, учился всего полторы зимы и с одиннадцати лет, когда отца призвали в царскую армию, остался дома за старшего.

– Жизнь наша, — рассказывал гость, — изменилась только при Советской власти. В 1923 году я уже был комсомольцем и работал секретарем сельсовета. Как раз в то время в наше село Норовку пришел первый номер “Крестьянской газеты”. До чего все просто и понятно было написано, как верно показана крестьянская жизнь. И кто писал? – свой брат, хлебороб. И задумал я также сделаться селькором, написать в “Крестьянку”.

– Что же было дальше? – продолжали расспрашивать работники редакции.

– После этого я отслужил в Красной Армии, два года проработал в норовском сельпо, а теперь вот перешел в сельскохозяйственную коммуну “Новая жизнь”. Работаю там членом правления и веду счетную часть. Но селькорства своего не оставляю. За эти годы написал много заметок, стихов, фельетонов. Выступал в военной печати, в “Крестьянской газете”, в “Бедноте”. В 1929 году “Крестьянский журнал” напечатал два моих рассказа из деревенской жизни.

Гость понравился всем работникам редакции, и они попросили его помочь в распространении газеты среди жителей села. Дмитрий Головин взял квитанционную книжку и, распрощавшись, ушел. К 7 сентября 1930 года, когда вышел первый номер ливенской районной

газеты “Знамя Ленина”, он привлек сто подписчиков. А через несколько дней Головина вызвали в редакцию и предложили стать ее штатным сотрудником.

Были дни сплошной коллективизации, яростного сопротивления кулачества. Враги колхозного строя организовывали массовый убой скота, поджоги хлебных скирдов, расправлялись с сельскими активистами. Нелегка и опасна была в это время работа журналиста на селе. Но Головин полюбил ее с первых дней. Официально он значился выездным корреспондентом, но ездить было не на чем, и молодой газетчик больше полагался на собственные ноги. Целыми днями колесил он по селам района, и блокнот его всегда был богат нужным для газеты материалом. Собирая факты, цифры, яркие примеры, он в то же время неумоимо сколачивал, привлекал в газету все новых и новых селькоров. Его не пугали ни расстояние, ни погода, ни косые взгляды врагов.

Коммунисту Дмитрию Головину, как и всем сотрудникам редакции газеты “Знамя Ленина”, принадлежала немалая заслуга в том, что колхозы Ливенского района прочно стали на ноги, начали развиваться, богатеть. И в последующие годы Головин и его товарищи неустанно боролись за дальнейший подъем урожайности колхозных полей, за культурную и зажиточную жизнь колхозников. В эти годы окрепло журналистское мастерство Головина, расширился его кругозор. Осенью 1931 года он был назначен заведующим сельскохозяйственным отделом редакции, затем секретарем и наконец — заместителем редактора.

Все эти годы Дмитрий Головин не порывал связи с центральными газетами и журналами. Как-то раз “Крестьянская газета” предложила ему, как активному корреспонденту, написать книжку об опыте коммуны “Новая жизнь”. Эта книжка, названная “Шаг за шагом”, была издана в Москве. Там же вышла в свет другая книжка Головина — “Ровенцы в борьбе за колхоз”. Много очерков и рассказов ливенского журналиста появилось в журнале “Комбайн”, “Крестьянском журнале”, “Безбожнике”, “Лапте” и в других изданиях.

....Грянула война. Над Ливнами раздавался зловеший вой вражеских самолетов. Эвакуировались предприятия и учреждения. 24 ноября, когда гитлеровцы находились уже почти рядом, работники редак-

ции сожгли типографские машины, выбросили шрифты и всем коллективом выехали из города. Дмитрий Головин остановился в одном из ближайших тыловых районов.

“Когда же назад? — думал он с мучительным волнением. — Не может быть, чтобы город долго оставался у захватчиков”.

Он не ошибся. Ровно через месяц пришла радостная весть: Ливны освобождены. Через несколько дней Головин уже ходил по родным улицам. Прежде всего он заглянул, в районный комитет партии.

— Вот и редактор появился, — радостно встретил его секретарь райкома.

— Я только заместитель редактора, — возразил Головин.

— Ничего, Дмитрий Ильич, мы тебя утвердим редактором. Налаживай дело!

Легко сказать — налаживай. Но как это сделать? Весь город лежал в грудах щебня, измельченной штукатурки, битого стекла. Дико выглядели коробки изуродованных домов. Головину с большим трудом удалось найти помещение для типографии. Печатная машина и шрифты нашлись в соседнем — Никольском районе. Но машина была поломана, а шрифты, извлеченные из колодца, заржавели и перемешались с землей. Все это надо было отремонтировать, приводить в порядок.

Не покладая рук, не считаясь с холодом, усталостью и другими невзгодами военного времени, восстанавливали типографское оборудование старые рабочие — наборщик И. В. Черных, печатники И. И. Дедюрин и П. В. Черных. Всех объединяла одна цель: скорей выпустить газету. И вот 23 февраля 1942 года, впервые после освобождения Ливен, вновь застучала печатная машина.

Одновременно с газетой редакция по указанию областного комитета партии выпускала бюллетени с оперативными сводками Советского Информбюро. Эти бюллетени расходились не только в Ливенском, но также в Никольском, Дросковском и Русско-Бродском районах. Прием сводок по радио взял на себя Головин. В десять часов вечера он надевал наушники, садился у аппарата и сидел до шести часов утра, записывая от руки (не было машинки) по 15-20 листов текста. Сидел в пальто, шапке, при тусклом свете коптилки, заправленной посолненным бензином. А над Ливнами в это время свистели

и рвались вражеские бомбы. Так продолжалось всю зиму и весну.

Сказалось постоянное напряжение сил — Дмитрий Ильич заболел. Рано утром 28 июня, когда он лежал на больничной койке, раздался адский грохот — гитлеровцы били по городу из дальнобойных орудий. Головин вскочил.

— Сестра, давайте скорее одеваться.

— Нельзя, вам доктор запретил вставать.

— Поймите, у меня там люди, оборудование, материалы.

Головин торопливо шел, почти бежал по пустынным улицам города. Недалеко впереди разорвался снаряд, позади — другой. Вот и типография. Нет, она пока не пострадала. Пока...

Давно прошли те трудные, полные, сурового мужества дни. Газета “Знамя Ленина” вновь освещает созидательный труд мирных советских людей. Она борется за быстрое восстановление города Ливен, за крутой подъем всех отраслей хозяйства в ливенских колхозах, за улучшение работы городской промышленности, за успешное выполнение исторических задач, поставленных партией и правительством перед народом.

В своей работе газета опирается на рабселькоровский актив. Это ее гордость, ее золотой фонд. В “Знамя Ленина” регулярно пишут свыше 200 человек. Среди них лучшие люди города и села. Больше двадцати лет пишут старейший колхозник сельхозартели имени Маленкова А. Некозаков и член колхоза имени Ленина Ф. Егурнов. Активно участвуют в газете зоотехник Ливенского госплемрассадника лауреат Сталинской премии П. Букреев, председатель отделения Общества по распространению политических и научных знаний пенсионер С. Волков, учитель 2-й средней школы С. Кожухов, главный зоотехник Речицкой МТС Н. Хрипунов, секретарь парторганизации колхоза “Путь Сталина” С. Потапов, начальник механического цеха завода “Противопожарного оборудования” Д. Вазилевский, электроплавильщик насосного завода Н. Барабанов и многие, многие другие.

...Мы встретились с Дмитрием Ильичем у него на квартире. Хозяин с гордостью показал свое богатство — книги. Их у него много. На высоком стеллаже и этажерке стоят сочинения Ленина, Сталина, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Драйзера, Марка Твена, Гайдара, Катаева, Бажова... Дмитрий Ильич снял с полки и перелистал два-

три тома.

— Люблю книги, — сказал он с несколько застенчивой улыбкой. — Жить без них не могу. Как узнаю, что вышла какая-нибудь новинка, не успокоюсь до тех пор, пока ее не достану...

— А сами вы, Дмитрий Ильич, пишете сейчас что-либо крупное?

— Как же, пишу. В 1950 году вышло произведение “Задуманный разговор”, в прошлом году — сборник “На рыбалке”. Сейчас готовится к изданию сборник сатирических рассказов “Зеленая дуга”. В свободное время я работаю над повестью о журналистах.

Чувство большого уважения к себе внушает этот человек, простой селькор, который в силу своего призвания сумел вырасти до редактора газеты, литератора, общественного работника. Партия указала ему верный путь служения народу, развития и совершенствования всех своих духовных сил и он, не сбиваясь, всегда твердо и верно шел и идет этим путем.

Евгений ГОРБОВ, 1955г.

В центре слева направо: заместитель редактора газеты «Знамя Ленина» С.С. Семенов, секретарь редакции он же руководитель литкружка Е. Горин, зав. сельхозотделом редакции Д.И. Головин, зав. партийным отделом И.М. Шибяев. Во втором ряду члены литкружка при редакции Г. Костомаров, Гранкин, В.П. Стребков, А. Цветковская, А.Ф. Зубцов, И.К. Гончаров (март 1932г.)

Дмитрий Головин.
Портрет художника
Б. Калинина

На 60-летие совместной жизни с Матреной Федоровной.

Возможен ли плешковский ренессанс?

Как кинокадры, мелькают годы, складываясь в века, тысячелетия. Появляются новые профессии исчезают старые. Умирают мастера своего дела, а вместе с ними и ремесленные профессиональные тайны. Аналогичная история произошла и со старинным плешковским гончарным промыслом. Да что там промысел! На сегодняшний день нечезла о лица земли и сама деревня Плешково, а ее жители разбрелись по белу свету. Теперь о деревне напоминает Плешковская улица в с.Введенское, которая упирается в околицу бывшей одноименной деревни.

С каждым годом все реже и реже можно встретить изделия плешковских гончаров даже в соседних селах. Далеко не полную коллекцию можно увидеть только в Ливенском краеведческом музее. Даже русские печки из плешковского кирпича исчезают буквально на глазах. Причиной является такое благо цивилизации, как газификация сел, которая, наконец, пришла на ливенскую землю. Как зеницу ока, криво такую печь в своей хате в д. Шебаново. Вот так прошлое вступило в жесткую конфронтацию с достижениями цивилизации. Но будущего не может быть без памяти о прошлом, ибо наш человек должен понять, куда он идет и откуда. Именно поэтому считаю своим долгом рассказать о плешковском гончарном промысле и плешковских гончарах. Не смогли они этого в прошлом сделать сами по многим причинам, а теперь это сделать практически некому.

Говорить, что все окончательно забыто, по счастью, рано. Память о плешковских мастерах еще жива в народе и по большей части благодаря искусствоведу Ирине Борисовне Богословской, которая побывала в Плешково с экспедицией и поведала об этом в журнале «Искусство» /1975 г./Именно благодаря ей в последующие годы появился ряд статей в различных журналах и справочниках. Это способство-

МАСШТАБ: 1 см = 50 м
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

■ Населенный пункт	▨ Сад
— Грунтовые дороги	● Колодезь
— Дорога с твердым покрытием	▤ Граница выработки глины
▨ Лиственный лес	▧ Пашня
▨ Хвойный лес	▩ Карьеры + выдос
⋈ Луг	

вало появлению плешковской игрушки в различных музеях и частных коллекциях. К сожалению, тогда плешковский гончарный промысел перестал существовать. Правда, в деревне на тот момент еще работал последний гончар Егор Красов, да были еще две мастерицы по изготовлению игрушек — Александра Иванилова и Ольга Малютина.

О плешковской игрушке рассказывается и в книге на английском языке «Русская народная игрушка» /1983 г/ искусствоведа и коллекционера Геннадия Блинова. Других исследовательских работ мне

встречать не приходилось.

Были в последующие годы попытки возрождения гончарного промысла в соседнем селе Введенское, но они потерпели неудачу. А вот изготовление плешковской игрушки получило продолжение в ливенской художественной школе. Но об этом ниже.

О былых временах, когда оживленная добыча уникальной плешковской глины в многочисленных карьерах и «ямах», чем-то напоминающая золотую лихорадку в миниатюре, остались одни воспоминания. Сохранились еще заросшие ивняком и березами заброшенные выработки. В некоторых из них живут караси, лини и даже раки, плавают дикие утки. Местонахождение строений могут показать только местные старожилы, а от деревни остались два остова заброшенных домов да несколько одичавших садов. Все это теперь окружают молодые хвойные посадки, в которых появились первые маслята и рыжники. Пройдет еще пяток лет — и лес окончательно скроет все следы былого присутствия человека.

В августе сорок пятого мы с матерью вернулись в разрушенные Ливны из эвакуации и стали жить вдвоем. Отец погиб еще в 1941 году, в начале войны. Я пошел в первый класс, а мать устроилась на работу в школу и заочно училась в Орловском пединституте. Время было голодное. Пришлось купить двух коз. Они-то и спасли нас от голода в 1947 году. С наступлением лета мать, уезжая на сессию, меня отправляла в деревню Плешково к бабушке, вместе с козами. В деревне козы вольготно паслись на воле, в мою обязанность входила заготовка для них веников для пропитания зимой в городе. У меня уже был четырехлетний опыт проживания в деревне во время эвакуации в Тамбовской области, а вот с гончарным производством я столкнулся впервые.

Уже к этому времени основная масса родственников матери жила на Украине в Донбассе, но в Плешково продолжали заниматься гончарным делом ее дядя Скорых Илья Прокофьевич и два двоюродных брата: Скорых Алексей Васильевич 1928 г. рождения /17 лет/ и Скорых Григорий Васильевич 1930 г. /15 л/. Невзирая на возраст, они работали как взрослые, мастерами. Их отца расстреляли еще в 1937 году, предварительно дважды раскулачив и лишив избирательных прав. С этого производства братья ушли в армию, после чего вместе

с дядей уехали на Украину, и фамилия Скорых навсегда исчезла из этих мест.

Моя бабушка Анна Феокистовна Малютина — тоже из семьи потомственных гончаров, после первого брака стала Скорых, а после того как погиб ее муж Алексей на фронте в 1914-м, вышла вторично замуж за Тупицына Артема Поликарповича и родила еще шестерых детей. Артем Поликарпович — отставной моряк из соседней деревни Введенское, как и его дети, никогда гончарным делом не занимался, только двое его детей некоторое время работали на формовку кирпичей. Во время войны и в послевоенные годы спрос на кирпич был большой, и в деревне только самый ленивый не занимался формовкой. Даже мне приходилось пробовать набивать глину в рамку. Я с интересом ходил на производство, наблюдая, с какой легкостью мастера крутили босыми ногами гончарный круг, ловко манипулируя руками, и на глазах творили чудеса. Из куска бесформенной глины создавали изящную, не побоюсь сказать даже красивую посуду. Однако попробовать самому освоить ремесло смелости не хватило. Вскоре, в 1952 г. производство закрыли, в 1955 г., после окончания школы уехал на учебу в Орел. Затем — армия, работа... так мечта осталась неосуществленной.

Но существует-таки понятие, как зов предков. Спустя полвека уже на пенсии, меня потянуло к гончарному делу. Попробовал лепить игрушки — сначала из пластилина, затем перешел на глину. Долго не мог уловить секреты изготовления свистка. Вроде все делал правильно, а свиста не получалось. Затем звук то появлялся, то исчезал. Иногда уходило на эту работу до полутора часов. Добившись успеха, решил сделать копию бюста С.Н.Булгакова, затем автопортрет. К великому своему удивлению — получилось. Окрыленный успехом приступил к изготовлению посуды. Попробовал лепить просто руками пепельницы, миниатюрные чашечки и чайники. Следующим этапом было освоение технологии лепки из раскатанной глины по шаблонам. Так появились различной формы кружки, пивные бокалы и даже бутылки. Получалось угловато и тяжеловесно, но сам процесс изготовления просто захватывал.

Через некоторое время в детской художественной школе обнаружил заброшенный гончарный круг, вернее, его жалкое подобие. Тот

пытался сделать круг, не имел никакого понятия о тонкостях работы на нем и об его устройстве. Металлическая конструкция из уголка и труб была слишком высокой и шаткой, центровка круга нарушена. Для работы необходим стул высотой в два обычных. Глину использовал из отвалов со старых карьеров, которая не годилась не только для изготовления посуды, но и для производства кирпича. Только через полгода удалось добыть настоящую плешковскую гончарную глину. Дело пошло веселей. Примерно через месяц удалось выполнить «дипломную работу»: вытянуть на гончарном круге корчажку и кувшин. Они были немного деформированы по форме, а стенки заметно толстоваты, но перенять основные приемы работы не было возможности. Мастеров совсем не осталось.

Прекрасно понимая, что мои попытки возродить былую славу плешковских мастеров весьма тщетны, решил взяться за более серьезную для себя работу — описать все то, что стало мне известно по рассказам родных, знакомых, по прочитанным статьям и книгам о плешковском гончарном промысле и вообще о работе с глиной.

Народная молва о плешковском гончарном промысле сложилась в окрестных селах еще в древние времена. Но первым печатным источником, ставшим доступным для читающей публики, стала газета «Орловские губернские ведомости» за 1866 год, а позднее появился «Указатель промыслов по Орловской губернии» (1880 год). Более полную информацию, проливающую свет на возникновение деревни Плешково, мы находим в книге известного орловского краеведа Г. Пясецкого «Исторические очерки г.Ливен и его уезда», вышедшей в 1893 г. В ней Г. Пясецкий приводит выдержки из «Печенной книги за 1678 г» в царствование Федора Алексеевича, где мы встречаемся с первым упоминанием о д.Плешково в составе с.Введенское: "...в ней /д.Плешково/ 10 помещиков, все однодворцы: Дорослов Гавриил Федорович, Юрьевы, Мальцев, Нестеров, Головин, Иванников, Малютин Кирилл Потапович". Причем некоторые фамилии сохранились в округе до наших дней. Так, Малютиных на 1952 г. проживало около двух десятков, аналогично обстояло дело и другими фамилиями, что очень мешало в повседневном общении. Поэтому широко использовались уличные прозвища.

Что же касается происхождения названия деревни, то по преда-

нию местных жителей, оно связано с географическим положением на большой поляне /"плещи"/ среди окружающего леса. Однако, правда происхождения названия обнаруживается значительно глубже. После возрождения г.Ливны в 1586 г. ливенский край стал быстро заселяться. "Главную услугу в этом отношении, - пишет Г. Пясецкий, оказывали служилые люди, дети боярские - помещики. На их долю выпали здесь и первая борозда, и самое заведение починков, займищ и деревень; от их имени и фамилий многие из поселений получили свои названия, а некоторые удерживают их до настоящего времени". Г. Пясецкий приводит список первых поселенцев на начало 17 века /1615 г/. Среди них мы обнаруживаем такие фамилии, как Баранов, Ревякин, Вахнин. Эти имена носят и сегодня села Бараново, Ревякино, Вахново. Есть там фамилия и Плешков. Вывод напрашивается сам собой — деревня "носит фамилию" своего основателя.

Причин для занятия плешковских крестьян гончарным делом было несколько. Прежде всего, промысел древних — занятие сельским хозяйством не обеспечивал крестьянам безбедного существования из-за низкой производительности труда и отсутствия достаточного количества хорошей плодородной земли. Вокруг Плешково плодородной земли не было, имели наделы в районе Плоты не доезжая Долгого. Да и этой земли приходилось чуть более 1,5 десятин на едока. Поэтому крестьяне пополняли свой скудный бюджет занимаясь различными ремеслами. Крестьянские промыслы получили широкое распространение в Ливенском уезде. Они занимались извозом, ткачеством плетением лаптей и чуней, кузнечным делом, изготовлением кирпича, гончарным делом и т. д. Причем существовала своеобразная специализация. Так, например, в Шебаново, которая находилась от Плешково всего в 100 метрах, работали жестянщики, а также изготавливали сбрую, лудили посуду, делали самоварные трубы. Но никто не занимался гончарным промыслом, хотя многие ходили в Плешково на подсобные работы по добыче глины, изготовлению кирпичей.

Плешковцев подтолкнуло к гончарному промыслу прежде всего наличие месторождения уникальной огнеупорной глины. Месторождение глины по сегодняшней ориентировке расположено юго-западнее с.Введенское в 100 метрах от окраины Плешковской улицы. Мощ-

ность пласта в среднем равна -3,38 метра. Толщина покрывающих пород от 0 до 16 метров. Общие запасы - около 4 млн. тонн.

В 2002 году специалисты Тульского педуниверситета провели анализ плешковской глины (пробу взяли из отвала на карьере). Вот ее основные элементы: кремний, магний, железо, натрий. Присутствуют значительные примеси титана, небольшие стронция, меди, свинца, следы кальция, магния, кобальта, хрома, бария и палладия. Последний относится к платиновой группе и является редким элементом.

Кроме металлов содержится органическое вещество -3,85 %. В том числе вероятно примесь меллита /медового камня/ - очень редкого минерала, обнаруженного только в бурогольных пластах Подмосковского бассейна, в Тюрингии и Богемии. Ее пористость обеспечивается довольно большой примесью мелкодисперсной /равномерно распределенной в материале/ органикой, которая выгорает при обжиге. Пластичность обеспечивается низким содержанием кальция, а характерные "фирменные" блески, придающие плешковокой игрушке особое очарование, могут объясняться вкраплениями меллита. Безусловно, необходимо подвергнуть химическому анализу непосредственно гончарную глину. Следует добавить, что плешковская глина выдерживает температуру до 1500 градусов т.е. является огнеупорной..

Предположительно плешковцы начали заниматься гончарным промыслом в конце 16 в. или в начале 17 в., на этот счет у нас нет никаких документальных подтверждений. Расцвет промысла приходится на начало 20-х годов XX века. До революции 17 года гончары работали единолично, а после нее в 1929 г. была организована первая промартель. Для заготовки глины и изготовления кирпича привлекали 50 подсобных рабочих, а настоящих мастеров, которые могли работать на гончарном круге, было всего 15 человек. Кирпичи делали только в летний сезон прямо у края карьеров или ям, где добывали глину, здесь же и штабелевали под навесом или укрывали соломой, сеном. Посуду изготавливали круглый год в закрытом помещении, цехе, а единоличники у себя в доме прямо в хате или сенцах. Обжиг проводили в горнах — специальных печах, которые единоличники строили на своих огородах в стороне от хаты.

ОБЖИГ В КОСТРЕ. Превращение глины в керамику происходит при температуре 500-900 градусов. Чем ниже температура, тем дольше длится обжиг. В костре температура доходит до 750°. Время обжига в костре от 8-12 ч. до нескольких суток.

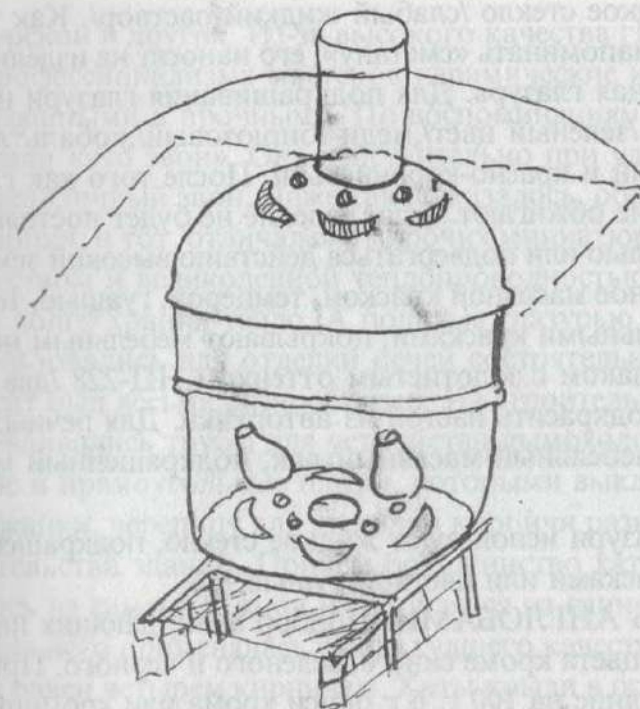
На площадке укладывают половинки кирпичей, на них ставят крупные вещи, сверху размещают крупную посуду, а в нее укладывают мелкую. Эту пирамиду обкладывают дровами. Жечь костер надо не менее 8 часов, но для декоративных изделий можно меньше...

ОБЖИГ В ГОРНЕ. Горн вырывают в склоне оврага. Корпус из кирпича или набивается из глины /1 ч. глины + 3 ч. песка/. Горн сушится 10-15 дней. Камеры хорошо разделять ступицей от колес автомашины. Посуда загружается через верхний люк и прикрывается листом железа. Несколько часов /2-3/ прожигают на медленном огне. Затем жар усиливают и обжигают до раскаления изделий. Игрушки обжигают 3-4 часа, посуду - до 12 ч. Изделия медленно остывают.

ОБЖИГ В РУССКОЙ ПЕЧИ. Игрушки можно обжечь при варке пищи. Противень с игрушками в начале ставят в стороне от огня, а затем на угли. Закрывают трубу и заслонку, когда над углем исчезнут голубые язычки пламени и сверху появится налет золы. Оставляют до утра. Обжиг посуды в печи начинают с небольшого костерка /ель, осина, ива/. После двух-трех часов в ход идут ольха, береза, дуб, яблони, груши, сливы. Когда посуда накаляется, надо переходить на нежаркие дрова и постепенно прекращать топку совсем.

Для тех, кто пожелает заняться изготовлением гончарных изделий, предлагаю горн для обжига собственной конструкции. Вернее, усовершенствованный горн X-XII вв., выполненный из современных конструктивных материалов. Подлинный горн X-XII веков мне удалось увидеть в котловане на месте строительства детского сада в Заливенке (см. альманах «Наше наследие», №3, 1999г.).

На покатом склоне вырыл глубокую яму в форме куба со стороной 1 метр. На дно ямы положил толстый лист железа (10 мм), а на него уложил металлический каркас школьного стула. На каркас поставил друг на друга два диска от грузового автомобиля. Отверстия нижнего диска служат великолепными соплами для поступления пламени к обжигаемым изделиям, а отверстия верхнего диска, кроме цент-

Гончарный горн конструкции автора

рального, замазываются слоем плотной глины. На центральное отверстие устанавливается металлическая или керамическая труба соответствующего диаметра. Через эту трубу происходит закладка и выемка изделий. Топка выкладывается из самана или огнеупорного кирпича. Пространство между печкой и сооружением засыпается землей. Тяга получается великолепная.

Такой горн можно топить не только дровами, но и мазутом или соляркой, если установить бак и форсунку.

ОБВАР. Горячую посуду щипцами окунают в раствор клейстера из ржаной муки, квасной гущи или в молочную сыворотку. Покрытие тончайшим слоем стекла или так называемой поливой или глазурью наносится краской или англобой /цветной глиной/ соответствующий рисунок, а сверху поливают глазурью.

Предварительно нагретое стекло опускают в холодную воду и толкут в ступе до тончайшей пыли. Толченое стекло просеять через сито. Помешивая стекло сыпать в жидкий крахмальный клейстер или раз-

веденное жидкое стекло /слабый жидкий раствор/. Как только раствор станет напоминать «сметану», его наносят на изделие. Используется и цветная глазурь. Для подкрашивания глазури используют окись хрома /зеленый цвет/, меди /бирюзовый/, кобальта /синий/ и железа /желтый и красно-коричневый/. После того как глазурь высохнет, изделие обжигают. Если изделие не будет постоянно соприкасаться с пылью или подвергаться действию высокой температуры, его, расписанное масляной краской, темперой, гуашью, текстильными и растительными красками, покрывают мебельным нитролаком НЦ-222 или лаком с золотистым оттенком НЦ-228 /два-три слоя/. Лак можно подкрасить пастой из авторучки. Для печных изразцов используют мебельный масляный лак, подкрашенный масляными красками.

Вместо глазури используют жидкое стекло, подкрашенное акварельными красками или цветной тушью.

РОСПИСЬ АНГЛОБАМИ. Подбор глин, дающих после обжига различные цвета кроме синего, зеленого и черного. При добавлении к белой глине на 100 г. 6 г окиси хрома или хромпика — зеленый. 4 г оксида кобальта или 12 г хлористого кобальта - синий. 12-18 г оксида железа — коричневый 8 г окиси меди или 16 г медного купороса - бирюзовый.

Дрова для обжига закупали по всей округе, где продавались деревянные дома и другие постройки на слом. Работа в артели требовала большого физического напряжения, особенно на заготовке глины. Механизации не было никакой, копали глину лопатами. Приходилось выбрасывать глину из ямы на большую высоту. Замешивали босыми ногами и трамбовали глину для кирпича голый пяткой. Да и те, кто сидел за гончарным кругом, работали постоянно в сырости. Поэтому рабочая одежда к концу смены стояла "колом" от засохшей глины. В ней же ходили домой на обед и после работы т.к. ни душевых, ни раздевалок не имелось, да и в домах подходящих у словий не было. Механизация отсутствовала — ни дробилок, ни сит, ни транспортеров. Единственная тягловая сила — это лошадь. Только после Великой Отечественной войны горн на заводе стали топить не дровами, а мазутом. Изделия плешковских мастеров охотно раскупались на многочисленных ярмарках Ливенского и соседних уездов Орловской гу-

бернии, Курской и других. Из-за высокого качества глины и безусловного профессионализма мастеров керамические изделия были легкими, изящными и прочными. По воспоминаниям старожилов, посуду делали «что звон». Она действительно при ударе щелчком издавала мелодичный звон. Даже такое, казалось, обыденное изделие, как кирпич, и тот, отличался от прочих миниатюрностью, особым изяществом и великолепной теплопроводностью. Быстро нагревался и долго хранил тепло. А политые глазурью кирпичи широко использовались для отделки печей состоятельных горожан. Ассортимент был весьма разнообразен. Из строительных материалов изготавливались трубы для устройства дымоходов, длинники, квадратные и прямоугольные плиты, которыми выкладывали загнетки и лежанки, черепицу для кровли и кирпичи разного формата для строительства зданий. Причем большинство хат в Плешково сооружались из самана. Саман изготавливался из глины с примесью соломы. Для него применялась глина худшего качества, по объему саман был равен четырем кирпичам. Хаты крыли в основном соломой, только около десятка домов имели железную кровлю. Технология изготовления черепицы была завезена в 20-е годы в Донбасс и получила широкое распространение в шахтерских поселках.

Посуду делали самую разную по форме, размерам и назначению: кухонные и цветочные горшки, корчажки, кувшины, плошки /тарелки/, кружки, огромные сосуды на 10-20 литров - макитры, квасницы для приготовления кваса, хранения сыпучих и жидких продуктов, зерна и многое другое.

Над посудой трудились с особым усердием, не каждому удавалось освоить технологию изготовления. Поэтому имена мастеров произносились с особым уважением. С большой любовью и вкусом старались украсить посуду орнаментом и полить глазурью внутри и частично снаружи. Гончарному искусству обучали мальчиков с детства, а девочки перенимали у бабушек и матерей умение изготавливать глиняные игрушки. Последние мастерились ради забавы, между делом. Дохода они особого приносили, продавались буквально за копейку. Однако пользовались большим спросом, т.к. взрослые старались привезти домой детям подарок. Игрушка обходилась дешево, да и забавно свистела.

Вообще, глина занимала и продолжает занимать важное место в жизни народов мира даже в наше время. В век железобетона и пластмассы даже в такой богатейшей стране, как США по проекту архитектора А. Прадона построен комфортабельный жилой комплекс из сырцового кирпича, обмазанного глиной. Утрамбованная глина не пропускает влагу, поэтому в народном строительстве из нее делали не только стены, но и полы с крышами. Чтобы повысить прочность глинобитного пола, его время от времени поливали соленой водой. Кстати, в глинобитных жилищах обитает треть населения планеты.

Глина нашла широкое применение и в народной медицине. Растяжение связок лечили пластырем, приготовленным из желтой глины, разведенной в уксусе. От боли в пояснице накладывали пластырь из глины, разведенной в горячей воде с добавлением керосина. Раскаленные кирпичи посыпали луковой шелухой и вдыхали дым - подобная ингаляция помогает при простудных заболеваниях. Если раскаленный кирпич посыпать полынью или можжевельником, то можно избавиться от мух и комаров.

Мало кому известно, что народы Севера, чукчи и коряки употребляли глину... в пищу. Не всякую, а только белую, которую они называют «земляным жиром». Ее добавляют в оленьё молоко и в мясной бульон.

Надо отметить, что глиной не брезговали и европейцы, готовя из нее лакомство наподобие конфет.

Но вернемся к плешковской игрушке. Размеры игрушки не превышают ширины ладони для удобства работы при лепке. Внешне игрушка достаточно примитивна. Части тела едва намечены. Корова может отличаться от козла только формой рогов, а утка от курицы - только формой клюва. И все же игрушки, изготовленные разными мастерами, несмотря на устойчивость форм, отличаются друг от друга при внимательном рассмотрении чистотой отделки, едва заметными деталями и раскраской.

Плешковская игрушка строга и статична. Иногда кажется, что перед нами копии с больших, даже огромных скульптур. Неподвижный взгляд, как на фотографии. Она проигрывает и по плавности линий, и качеству обработки поверхности многим игрушкам ее класса

например, филимоновской. Она более массивна, но полна достоинства и гармонии. Они скромны и просты одновременно. Мастера достигли совершенной гармонии формы и лаконичности в художественном оформлении. Последнее делается очень просто. Раскраска обычно выполнена всего в два цвета: синий и красный. Зеленый используется реже. Рисунок наносится в виде кругов, пятен, параллельных линий, которые эффектно смотрятся на фоне глины, имеющей телесный цвет. Краска никогда не покрывает всю поверхность игрушки, а только в местах типа груди и по бокам.

В прошлом гончары использовали природные органические и минеральные красители. Сок листьев лопуха или конопли дают зеленый цвет, истолченный красный кирпич - красный, отвар луковой шелухи - коричневый. Синяя краска готовилась из сушеных ягод бузины и голубых соцветий первоцветов. Исходный материал разводили в горячей воде /0,5 л/ в стеклянной посуде, добавляли 2-3 столовых ложки 9 % уксуса — и краска готова к употреблению. Чтобы она лучше ложилась на глину, ее смешивали с мукой. Пористая глина хорошо поглощает краску, и рисунок приобретает мягкий теплый пастельный цвет.

Игрушки всегда находились в тесной связи с материальной жизнью всей сельской общины. Их тематика и форма развивались вместе с художественной культурой народа. Поэтому по ним можно судить и об истории культуры, и об искусстве, и об этнографии.

Игрушечное ремесло, как и всякое народное искусство, является одновременно творчеством коллективным и индивидуальным.

Коллективное начало сосредоточено в трех ипостасях: конь, баба, птица — именно эта троица преобладает среди общего пантеона игрушек. В древности эти фигуры имели магический смысл - служили оберегами, являлись выражением космических представлений наших предков об окружающем мире. Изображение бабы — богиня, мать — сыра земля; кони, олени олицетворяли светило, дающее плодородие земле; птицы-метаморфическое представление о воздушных стихиях, связывающее небо и землю. И только личное творчество облакает их в различные стилистические формы.

Домашний скот был основным богатством и кормильцем. Коровы, козы бараны часто включались в календарную обрядность.

Возможно, в первобытном обществе, еще не являясь домашними, они служили тотемными божествами у людей и позднее были включены в языческую обрядность как символы благосостояния человека. Образ козла был связан с идеей плодovitости и урожайности. Козлы считались проводниками в иной мир и беспогониителями. Корова и олень — покровителями удачного брака. В языческой обрядности эти животные связывались еще с обрядом жертвоприношения в честь солнечного божества. Истоки происхождения образа коня тоже надо искать в языческой культуре. Конь связывался с солнечным божеством, которое было одним из самых высокочтимых у славян.

На протяжении веков основное назначение игрушки было игровое. Вместе с тем, обладая большой художественной ценностью, она может рассматриваться как произведение прикладного искусства. Подобно другим видам народного творчества она является одним из ценных достояний культуры, имеющим свою историю и традиции.

Еще одно из достоинств плешковской игрушки — она является и своеобразным музыкальным инструментом. Игрушки, изображающие животных или птиц, обязательно имели встроенный в хвост свисток, а у барыни и у солдата аналогичный свисток был в правой руке. У свистка проделывались два дополнительных отверстия, что давало возможность исполнять простейшие наигрыши. Поэтому свистки оказались возможным использовать в ансамбле «Ливенские гармошки», что придало исполнению самобытную окраску.

Дополнительные украшения выполняются с помощью пальцев /прищепы/, точечные узоры наносятся заостренной палочкой.

До революции кирпичник зарабатывал около 78 р. в год в среднем. Для сравнения жестянщик — 52 р. Хороший же гончар мог за день изготовить до 50 горшков. Их рыночная цена колебалась от 5 до 20 коп., в зависимости от размера и качества. Товар пользовался круглогодичным спросом и гарантировал стабильный заработок и определенную независимость. Поэтому гончары отказывались идти в колхоз и подвергались за это репрессиям в годы коллективизации. Начался массовый их исход на шахты Донбасса и заводы Урала.

Когда я уже заканчивал работу над очерком и написал, что последняя женщина, которая могла изготовить плешковскую игрушку давно умерла, то произошло чудо. В Ливны приехала погостить 88-лет-

Первая и последняя встреча с Е.Н. Малютиной, 2002г.

няя Евдокия Николаевна Малютина, 1914 года рождения уроженка Плешково, ровесница моей матери, с которой они сидели за одной партией. Она поведала мне, что в 20-е годы в Плешково насчитывалось около 100 дворов, в которых проживало до 500 жителей. Т.к. семьи были многодетными, 5-7 детей в семье считали нормой. Земля была неплодородной, мало пригодной для земледелия, зато была высококачественная глина. Поэтому все селяне так или иначе были связаны с гончарным производством. Немногочисленные мастера /человек 15-20/ изготавливали посуду, а остальные занимались производством и обжигом кирпича, плит и самана. Изготовлением «свистулечек» занимались женщины и дети из наиболее бедных семей, где отсутствовали взрослые и здоровые мужчины. Соответственно наибольший доход получали гончары, которые изготавливали посуду. Когда отец Е.Н. Малютиной умер, их осталось семеро детей. Надо было учиться какой-либо специальности. Мать сказала: «Девки, надо вот свистулечки делать, все как-никак копеечка будет.» Девчата сами таскали глину ведрами домой из карьера с окраины села. Смешивали с водой в нужной пропорции. «У меня руки играли по этой работе,

— вспоминает Евдокия Николаевна. — Мы делали солдатиков, кукол, уточек, конечков — вот все разнообразие. Могли лепить и коров, и баранов, чего хошь, но не хотели голову морочить. За день каждый должен был сделать до 100 игрушек. /1 игрушка стоила -1 коп./ Затем их сушили в избе. После сушки обжигали в горне. По огню определяли готовность. Глядим, каков огонь по цвету. Сначала красный, потом -белый. Значит, свистульки готовы. Они получаются розовыми, красивыми. Выбираешь, а они звенят. Ведрами носили, затем раскрашивали. На фабричные краски денег не было, поэтому раскрашивали природными красками. Побольше старались сделать игрушек к ярмарке. Сами носили их продавать в Ливны, Елец, Сосновку к святому колодцу. Тем и жили. Игрушки всегда раскупали.

В 1899 году в Плешково организовали промартель по производству кирпича и гончарных изделий. Там работало 65 человек, остальных заставили записаться в колхоз.

В год организации промартели Евдокии Николаевне исполнилось 14 лет. Пора было от свистулек, изготовление которых считалось делом нетрудным /забавой/, переходить на более серьезную работу. Евдокию приняли формовщицей на производстве кирпича.

— Положишь на скамеечку станок, посыплешь песочком, положишь в него комок глины, вскочишь на скамейку и босой пяткой утрамбуешь глину в станке. Затем срезкой-трехгранкой срежешь лишнюю глину, перевернешь станок и выдавишь готовый кирпич-сырец. Поставишь его в рядок. Надо изготовить 500 штук за день. Подскачишь, сядешь — и так пятьсот раз, — вспоминает она.

В начале 30-х годов стали насильно объединять в колхоз, кто не хотел, тех раскулачивали, репрессировали. Люди рассказывали, что кого-то забрали, у кого-то что-то взяли, не вернули, не отпустили. Что? Кто корову, лошадь имеет — кулак. Тогда арестовали десятки жителей Плешково. Среди них и потомственные гончары. Мать Евдокии тоже не шла в колхоз, а коровенку держала — детей-то сколько! Бывало, ночью выпустит покормит и скорее прячет, или уводит. Говорила: “Уведу корову, а то придут и заберут за налог”.

— Ну что тут удивляться, боялись — а как же — забирали за налог. Тряпки, бывало, в трубу, а то и в топку прятали, так и приспособлялись.

В 1931 году начали сокращать производство. Евдокия, как и остальные артельщики, пошла в колхоз. Денег там не платили, а ставили «галочки» — трудодни за проработанный день. Урожаи были скудными, и колхозникам выдавали по 50 г зерна на трудодень. В поисках лучшей жизни многие подались на шахты и заводы Украины, Урала.

Евдокия Николаевна, ей тогда было 19, вместе с младшей сестрой отправилась в Днепропетровск.

— Голодовка была, очень сильный голод. Мы ехали без хлеба до Днепропетровска, только в Курске кипяток взяли. В Днепропетровске устроились на металлургический завод, через год стала машинистом кузнечного молота.

— Берешь за ручку, болванку вешаешь на подвес на цепи, тут рычжками мужики поддают под молот болванку, а я начинаю бить по команде. Прослушаешь команду — убьешь человека. Двадцать четыре года отработала. Спасла привычка трудиться с детства.

— Она была одним из лучших машинистов. Однажды на спор закрыла спичечный коробок молотом.

— В 1943 г. завод в Плешково начали возрождать. Пригласили вернуться и меня, я, как и большинство мастеров, осталась жить на новом месте.

Возрождение производства в послевоенные годы было коротким. Уже летом 1943 г., в год освобождения Ливенского района от немцев, Никольская райпромкооперация восстанавливает валяльное производство в с. Сергиевское, а в Плешково открывается цех по производству кирпича и гончарных изделий. В районном ливенском архиве сохранились платежные ведомости гончарно-кирпичного цеха и расчетные документы колхозников артели «Красный луч», по которым можно сравнить заработки колхозника и рабочего.

В цехе трудилось до 50 человек включая заведующего и бригадира, а в колхозе было 76 человек /данные на 1949 г/. Заработок мастеров гончарного производства составлял от 600 до 1000 рублей в месяц, формовщиков и разнорабочих от 180р до 230р. Вот заработок моих родственников на декабрь 1945г.:

Скорых И.П. /мастер/ - 506 р.

Скорых А.В. /мастер/ - 688 р.

Скорых Г.В. /мастер/ -621 р.

Тупицина Л.А. /рабочий/ - 222р.

И для сравнения заработок деда - Тупицина А.П. в колхозе, где он работал молоковозчиком и у него был один из наиболее высоких показателей по трудодням в году — 308. Так он в 1949 году получил 0,330 кг зерна и 0,06 коп. на трудодень. Т.е. его заработок составил 94,4 кг зерна и 17р. 98 коп. за год.

Теперь становится понятным, почему после прекращения в 1952 г. существования цеха промартели, на Донбасс уехала последняя волна переселенцев. В очередной раз был нарушен принцип материальной заинтересованности.

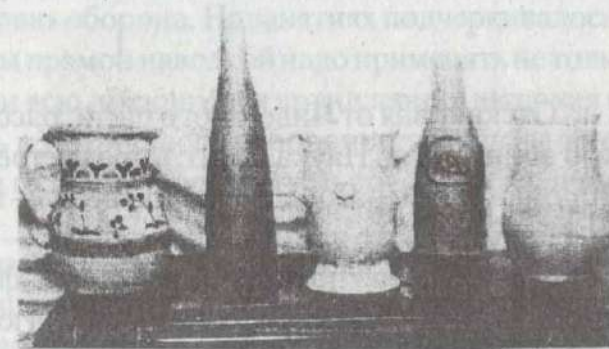
Что же до колхозного руководства, то его председатель заявил, что ему прежде всего надо пахать и сеять, косить и молотить, а уж после всего этого можно заниматься гончарным производством. Платить деньги перестали, и завод прекратил свое существование. С восстановлением металлургии и стеклянно-фаянсового производства спрос на керамические изделия резко сократился. Зарождалось промышленное кирпичное производство, в результате чего были похоронены последние надежды на возврат старого. Следом исчезла плешковская игрушка, хотя она имела многовековую историю. Ограниченному кругу искусствоведов она стала известна практически за несколько лет перед своим промысловым исчезновением — лишь в 70-е годы XX столетия. Тогда доживали свой век буквально несколько человек, которые в совершенстве владели гончарным делом.

Из последних гончаров мне довелось встречаться с Егором Красовым, Николаем Тошкиным (это не фамилии, а уличные прозвища). “Последний из могикан” — Паша Гнездилов трагически погиб, замерзнув в лесу, возвращаясь от сестры.

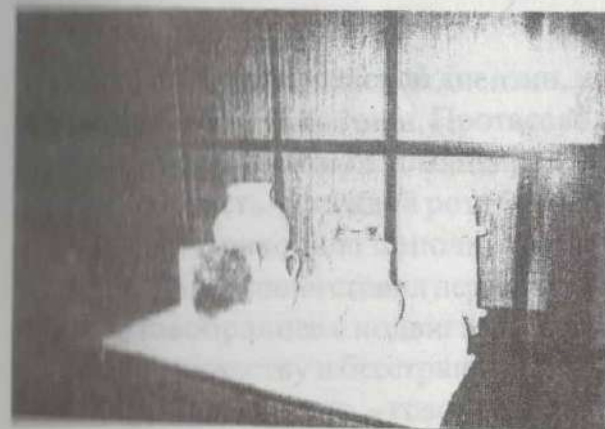
Знал я и подругу моей матери А. Иванилову. Именно ее по моей рекомендации пригласили в художественную школу, где она передала секреты изготовления плешковской игрушки. Именно у нее учились мастерству лепки преподаватели ДХШ Н.Фролова и ее супруг Александр, Казимилова, Сафронова, Шадская.

И все же, заканчивая обзор, хочется сделать оптимистическое заключение. Исходя из собственного, столь незначительного опыта, считаю возможным сделать вывод, что возрождение плешковского гон-

чарного промысла вполне реально. При наличии большого желания и незначительного первичного капитала, с привлечением одного-двух мастеров со стороны можно возродить не только производство знаменитого кирпича для входящих ныне в моду каминов, но и изразцов, черепицы, разнообразной посуды как декоративного, так и прямого назначения, игрушек и других сувениров. Вполне вероятно, что в ближайшие 5-10 лет плешковская керамика займет свое достойное место. Грядет новый ренессанс гончарного дела, но на более высоком качественном уровне. Он будет приносить доход и продолжит славу древних мастеров.

Гончарные работы автора на выставке прикладного искусства в краеведческом музее г.Ливны.

Так сражалась гвардия

Часть IV. На родной земле

1.

“Отскакивая от Ливенского щита, рассказывается в книге “Через всю войну” (изд. Наука, 1991г.), враг устремил свои войска вдоль рек Воронеж и Дон на юг к желанной цели — к богатому нефтью Кавказу. На пути у него встал волжский утес — Сталинград. Нашей задачей было как можно больше истребить фашистов здесь, на Орловщине, задерживая переброску их орд на южное направление”.

Для страны это были тяжелейшие времена. И не случайно поэт М. Луконин во фронтовой газете как бы предостерегал:

*К Волге ночью и днем
и к городам Кавказа,
лезет, дыша огнем,
коричневая зараза.
Ты можешь помочь, боец,
брату, отцу и другу,
в глаза влевив свинец,
ты поможешь югу.
Убитый тобой злодей
уже не полезет к Дону
и не сможет душить детей
и связывать руки женам...*

Занимая оборону западнее Верховья, 6-я гвардейская стрелковая дивизия имела задачу прикрыть подступы к району Ельца и одновременно частными боевыми действиями отвлекать силы противника от сталинградского рубежа.

Войны кропотливо усовершенствовали оборонительные укрепления. Командование инженерных войск начало снабжать стрелковые части чертежами оборудования ротного района обороны, планировало работы и вело строгий учет их исполнения. На переднем крае появлялись глубокие траншеи и ходы сообщения полного профиля, дзоты и блиндажи.

В войсковых частях возобновлялись занятия и тренировки по боевой подготовке, изучался опыт минувших боев, обобщенный штабами. В первый год войны, к примеру, слабым местом в войсковых частях была противотанковая оборона. На занятиях подчеркивалось, что для стрельбы по танкам прямой наводкой надо применять не только противотанковую, но и всю имеющуюся артиллерию, включая и зенитную. Большую роль в устойчивости обороны сыграло ее эшелонирование в глубину и создание оборонительного рубежа дивизии.

Несмотря на временное затишье, бои местного значения не прекращались практически ни на один день. Там и сям по фронту раздавались пулеметные очереди, давала о себе знать с обеих сторон артиллерия. И все это, как понимали многие, свидетельствовало о том, что сегодня такая вот “перебранка” с помощью всех видов оружия — как бы цветочки, а ягоды еще впереди.

2

В полосу 6-й гвардейской дивизии, уточню, входили селения Федоровка, Верхние Залегощи, Протасово, Дерягино, Кочетовка.

Принявший ее новый командир Ф.М. Черокманов досконально изучал местность. В каждой роте были созданы команды истребителей танков. Приходило пополнение, в основном без опыта боев, и Филипп Михайлович ставил перед командирами задачу широко знакомить новобранцев с подвигами гвардейцев, обучать на примере ветеранов мужеству и бесстрашию.

— Надо сделать так, — говорил комдив, — чтобы немцы опасались

ходить по нашей земле. Постоянно помните, что они здесь незваные гости.

Как бы в тон ему сказал командир 4-го гвардейского полка Борис Лев:

- Такую роль хорошо могли бы сыграть снайперы.
- Кто же нам помешает создать такие команды? – повеселел от того, что его мысль угадали, Черокманов. – Тем более что в дивизию прибыло немало сибиряков.
- А это, – заметил кто-то из принимавших участие в разговоре, – в основном охотники, значит, почти уже снайперы.
- С сегодняшнего же дня приступаем к выполнению задачи, – заметил Лев.

План этот охотно поддержали и командиры других частей и подразделений дивизии. Сибиряки, волжане, казахи, а вместе с ними ливенцы, должанцы и другие часами лежали неподвижно в снегу, выжидая свой шанс. Около полутысячи снайперов дивизии стали грозной силой.

Заместитель командующего Брянским фронтом Б.И. Богатов впоследствии напишет: “Шестая гвардейская славилась своими снайперами и разведчиками. Опыт дивизии распространился по всем частям фронта”.

И снайперы изо дня в день истребляли фашистов. Перед каждым стрелком ставился вопрос: а сколько ты убил? Армейские газеты ежедневно сообщали о героизме воинов. Так, комсомолец М. Смирнов в своей заметке рассказал о том, что за две недели он уничтожил 33 фашиста. 17 уничтожил красноармеец М. Сердюков. 144 гитлеровца ликвидировали за месяц пять снайперов, состоявших в основном из казахов и татар, командовал которыми старший лейтенант М. Гареев.

Допускались ли приписки? Вполне возможно. Недаром же и по сей день живет армейская байка о том, как вернувшийся с передовой корреспондент подал редактору заметку. В ней говорилось, что отделение сержанта Петрова в скоротечном бою уничтожило шестерых немцев. Тот, не долго думая, впереди цифры 6 добавил единицу.

– Товарищ майор, – возразил корреспондент, – шестерых же всего убили — сам видел.

Редактор при этом и глазом не моргнул:

– Тебе немцев что ли жалко?

Но факт остается фактом: 6-я гвардейская по этому показателю занимала одно из ведущих мест на фронте.

В изрядно пожелтевшей от времени заметке из армейской газеты, которая по сей день хранится в личном архиве В.П. Псарева, рассказывается о том, как сержант Пантелеев (родом он из Верховского района) двое суток затратил на то, чтобы истребить одного из самых опытных немецких снайперов. Выбрав наиболее подходящее для дуэли место (рядом торчали коряги спиленных деревьев), зарывшись в глубокий снег, весь с головы до ног в белом, он, часами не подавая никаких признаков жизни, следил и выжидал.

Пантелеев хорошо знал, что фашистский снайпер облюбовал себе место у разрушенного на краю деревни сарая, откуда и вел прицельный огонь. А именно в этот день он ничем не выдавал себя. Так, в напряженнейшем ожидании для Пантелеева прошел час-другой, третий... “Неужели пролежу здесь даром? – спрашивал сам себя сержант. – А как бы хотелось довести счет до двадцати”.

И вспомнился ему вчерашний разговор с одним из командиров батальона, который, узнав о предстоящем поединке, по-дружески ска-

зал: – Стоит ли возиться с этой поганью? Моим ребятам потребуется всего один выстрел, пусть два, чтобы и от фашистского снайпера, и от сарая не осталось и следа.

– Не совсем оно так, комбат.

Тот удивился:

– Жить что ли надоело?

– Помирать мне рановато.

– Так в чем же суть?

– Видишь ли, тут дело чести, тем более я пообещал своим ребятам разделаться с этим фрицем.

Одетый во все теплое, как говорится, с иголки, Пантелеев совсем не ощущал холода. Да и мартовское солнце ласкало спину своими лучами. А тут еще из набежавшего откуда-то облачка стали тихо падать снежинки.

– Красота-то какая, – сказал сам себе Пантелеев и чуть-чуть при-

этом шевельнул стволом снайперской винтовки. Чуть-чуть, наверное, шевельнулся при этом и сам. И в тот же миг рядом с его головой, свистнув нехорошо, пролетела пуля.

“Хитер, стервец! – похвалил мысленно фашиста сержант. Посмотрим, что будет дальше”. И снова заставил себя шевельнуться, одновременно зорко всматриваясь в сторону сарая. Увидев яркую огненную вспышку, определил, откуда ведется по нему прицельный огонь.

Обманул он немца тем, что после второго выстрела демонстративно дал понять, что пуля достигла цели. И снова томительное ожидание, смертельная игра в кошки-мышки.

Немец, к счастью, поверил, в свою удачу и показал сначала шапку над головой, ожидая выстрела Пантелеева. Но, не дождавшись, привстал из укрытия, чтобы секунду спустя свалиться в него замертво.

3

Немцы, в свою очередь, старались по возможности не оставаться в долгу.

– Однажды, – рассказывал Псарев, – мы вместе с начальником штаба старшим лейтенантом Остренко пробирались в расположение одной из рот противотанковых ружей. На нашем пути следовало преодолеть лощину шириной до восьми метров. К сожалению, траншея, примыкавшая к этой лощине, постоянно наполнялась грунтовыми водами. И потому приходилось преодолевать этот участок пути открыто под усиленным наблюдением немецких снайперов. Первым перебежал эту злосчастную лощину начштаба. Когда он достиг края траншеи, побежал и я. Но уже через 5 метров с моей головы была сбита пилотка. Подхватив ее на лету, прыгнул в траншею и я.

– Э, да у тебя на голове образовалась полоска обожженных волос, – всмотревшись, заметил Остренко. – А что с пилоткой? Так вот же дырка!

Помолчав, старший лейтенант сказал Псареву:

– Знаешь, а ведь ты в рубашке родился.

– Точно.

Это был второй с начала войны случай, когда Псарев остался живых после, казалось бы, неминуемой смерти. Тогда, под Ельней

от фашистской пули загородил его своим телом рядовой Александр Новиков, оставшийся, к счастью, в живых. Подлечившись в госпитале, он вернулся в свою часть.

На всю жизнь запомнил снайперские “штучки” в районе Верховья и рядовой солдат Михаил Никульников (он, как и Константин Никульников, родом из нашего села Калинино). Первую свою награду — медаль “За отвагу” получил он при не совсем благоприятных обстоятельствах. Холода стояли жуткие. В окопах же особо приходилось давать дрогаля.

И вот ближе к рассвету вскочил он в очередной раз, чтобы хоть малость согреться, как увидел перед собой ротного и еще двух солдат, а с ними девицу в меховом полушубке, ватных брюках и валенках.

Ротный и говорит Никульникову:

– Значит так, сержант, – эта девушка — снайпер. Ее задача — пробраться скрытно к вон тому фрицевскому танку, что стоит подбитый на нейтральной полосе. Вы должны оберегать ее.

Ушел ротный. Уползла ящерицей к танку со своей снайперской винтовкой отважная девушка. И, кто его знает почему, от ласкового ли девичьего взгляда, на душе у сержанта стало теплей.

Так прошло с полчаса. И вдруг истошный женский крик. Со стороны того самого “Фердинанда”. Сержант с солдатами броском туда. А расстояние всего-то метров 60-70. Вот уже и танк, вот уже и два фашиста (как потом выяснилось, это были танкисты) норовили утащить снайпера в свое расположение.

Как тут поумнее поступит? Крикнули в горячах “Хальт! Хенде хох!”

Не прореагировали немцы. Стрелять нельзя, она у них, словно невеста в крепких объятиях. И будь что будет — бросили чуть в сторону ручную гранату. Подняли головы, взгляделись: лежат все трое, слышны стоны. Рывком к ним. Один фашист сражен наповал, вто

рой ранен. Получила рану, как ни жаль, и девушка-снайпер. Обоих живых под обстрелом врага доставили к своим.

По словам Петрова, частенько забавлялись снайперской стрельбой из пушек и артиллеристы. Они выявляли объекты, огневые точки, места наиболее интенсивного движения вражеского транспорта. Заранее определяли несколько боевых позиций, откуда хорошо просматривались цели, и поочередно устанавливали кочующую 76-миллиметровую пушку. Уничтожив намеченную цель, артиллеристы вместе с пушкой тотчас перемещались на новый рубеж.

— Помню, как в один из весенних дней из Корсунского леса показались 5 немецких подвод. Наводчик Кравченко из 11-го противотанкового дивизиона не упустил такого момента. Он тремя выстрелами уничтожил эти подводы.

Немцы, конечно, уразумели снайперские шалости русских и, до крайности обозленные, открыли массированный огонь по огневой точке. Но было уже поздно, поезд, что называется, ушел.

И так примерно действовали храбрые ребята постоянно, хорошо помня о том, что “дорогих гостей” негоже оставлять без соответствующего внимания.

4

Денек тот выдался погожим. Умытое предрассветным дождем голубое небо, не горячее, но уже припекающее солнце после череды пасмурных дней — все это создавало у солдат хороший настрой. Способствовала этому и необыкновенная для фронтовых будней тишина. “Домой бы теперь, — подумалось Алексею Кузьмину. — Как там мои, живы ли, здоровы?”

Но вот где-то, кажется, на краю земли вспыхнул один взрыв бомбы, а, может, и снаряда крупного калибра, и перед его мысленным взором вновь встали одна за другой ельнинские картинки.

...Бой был тогда неравный. Немцы, неся огромные потери, ломались стеной. Таяли и наши ряды. Вот уже у одного орудия пал за смертью наводчик, сложил голову заряжающий, и он, заменив обоих, (особо меткой стрельбой Кузьмин отличался еще на стрельбищах до фронта) бил по вражеским танкеткам без промаха. Оглох от стрельбы, потерял ощущение времени.

И когда бой стал совсем утихать, а немцы отступили, когда пороховой дым рассеялся над ржаным полем, он не поверил словам одного из артиллеристов:

— Смотрите, десять танкеток стоят на месте, как вкопанные, — и, не сдержав нахлынувшего восхищения, добавил:

— Здорово вы их, товарищ старший лейтенант. Ваша в основном работа.

Справедливый, строгий, не допускающий излишней фамильярности с подчиненными и в такой же степени добрый, по-отечески заботливый к ним, он изменил на сей раз своим правилам, сказал шутливо:

— Прекратить разговорчики! Немцы просто так не отступятся.

И они, действительно, собравшись с силами, снова двинулись на наши позиции, и снова разгорелся бой...

За Ельню Алексея Кузьмина наградили орденом Красной Звезды. Получили награды и те, кто стоял с ним у пушек рядом.

Полк Алексея Кузьмина воевал и на Орловщине. Ему довелось пройти с боями по территории Новодеревеньковского, Новосильского, Русско-Бродского, Верховского районов. Военные батальоны с врагом носили здесь скорее затяжной, нежели скоротечный характер, потому находилось время, чтобы помечтать о будущем после победы над Германией, окунуться мысленно в прошлое.

Вот перед его взором предстал тихий весенний вечер, доносящийся из соседнего сада аромат цветущих яблонь. И она — юная, всякий раз опускавшая взгляд своих карих глаз, стоило лишь ему взглянуть в ее лицо. Любила ли? Похоже, да. Иначе, зачем было при расставании на вокзале вытирать платком слезы на своем печальном лице, обещать ждать с победой непременно, что бы ни случилось.

— Пишет? — уловив во взгляде командира грусть, спросил его земляк-ливенец Василий Кубарев.

— Куда писать-то? На деревню дедушке?

— Так-то оно так, — согласился Кубарев. — За нашей полевой почтой не угонишься.

Помолчали земляки какое-то время, и вдруг со стороны соседней батареи послышался тихий струнный перезвон гитары, приглушенный расстоянием голос певца:

*Если вам придется
друга в жизни встретить,
с кем вы жили, не тужили,
друга-земляка...*

Налетел, однако, порывистый ветер, зашелестел листвой березовой рощицы, и ливенцам не удалось дослушать последних слов куплета песни. Минуту, другую спустя опять стало тихо, и до их слуха донесся припев:

*Край родимый, дом любимый,
там, где детство шло
тропой неповторимой,
где свиданье назначали у рябины
и тайком курили в балке у реки.
Пусть не вечна наша встреча,
но зато уж наша дружба
бесконечна.*

*И мы встретимся, хоть разный путь
намечен,
потому что ты и я земляки.*

- Хорошие слова, — заметил с чувством Кузьмин.
- И ничуть не хуже мелодия. За душу берет, — заметил Кубарев.

А потому, что все про нас с тобой.

Могли ли они знать о том, что спустя многие месяцы, прошагав тысячи километров, им уже в предместье Праги доведется еще раз услышать эту песню.

А пока 6-я гвардейская вела бои “местного значения”, отвлекая небольшие силы гитлеровцев на своем участке фронта. Более того, части ее изматывали, обескровливали фашистскую рать, одновременно готовясь к решительному сражению на Орловско-Курском направлении.

5

Но и немцы, обозленные неудачами последних боев, постоянно напоминали гвардейцам дивизии о том, что они рядом, всего-то в нескольких километрах от “пограничной” полосы. И со свойственной этой нации аккуратностью строго “по распорядку дня” посыла-

ли в нашу сторону сотни снарядов и мин.

Захлебывались, вторя им, и вражеские пулеметы. Но более всего портила гвардейцам и прежде всего 4-му полку нервы высота, помеченная на топографической карте цифрой 257.0. Расположенная вблизи деревни Вязоватая, она позволяла гитлеровцам просматривать нашу оборону далеко по фронту и в глубину, и за счет обстрела наносить дивизии ощутимый урон.

Да, для наших войск высота эта была, что кость в горле. И командованием уже не раз предпринимались попытки овладеть ею. Но всякий раз, споткнувшись о мощную оборону, атакующим приходилось возвращаться назад ни с чем. Не обходилось, разумеется, и без определенных потерь.

Но и мириться с такой “несправедливостью” никто не собирался.

Так что же следовало предпринять, чтобы спихнуть врага со злощастной высоты, заставить замолчать пулемет, что изрыгал смерть из дзота, сооруженного на самой ее макушке?

По приказу командира дивизии, — вспоминал Псарев, — 4-й гвардейский полк еще более приблизил свои рубежи к вражеским. Его третий батальон под покровом нескольких ночей прорыл траншею в каких-то 100 метрах от колючей проволоки. Ходы же, сообщения — еще дальше, а в конце их откопали “усики” для наблюдения за действиями фашистов. Те, разумеется, не могли взирать на это дело спокойно. Им эта непонятная возня не очень нравилась. И потому вели непрестанный огонь. Особенно досаждал нам расположенный на самой макушке высоты дзот с пулеметом, стрельба из которого велась разрывными пулями.

Немцы по большому счету были неплохими вояками. Они были и сильные, и хитры, и коварны. Так что в лоб на них идти было безрассудно. И не пошли в обход с флангов. Решили еще раз послать смельчаков в тыл врага, чтобы получить самые свежие данные о его силе и замыслах. Словом, нужен был язык. Но созданный из 8 хлопцев отряд потерпел фиаско. Немцы обнаружили его (осветительные ракеты буквально висели в небе посменно с вечера до рассвета). Живыми вернулись всего четверо.

И еще раз решили взять живого языка. Но теперь уже укомплектовали отряд из 30 человек, главным образом за счет комсомольцев-

добровольцев. Действовали они в двух направлениях, одно из них было отвлекающим. Увы, и эту операцию постигла неудача.

Прошло с того времени, по словам Виталия Павловича, недели полторы, и вот в батальон приходит комиссар полка Алексей Малышев. Собрал он большую группу молодых бойцов и говорит:

– Ну что, родимые, снова вышла осечка? А язык-то нам край сейчас как нужен!

Молчат ребята, и по лицам их было видно, что неудача эта тяготила их. Ведь не кто-нибудь они, а гвардейцы. Да еще такой прославленной дивизии.

И тогда один из них, кажется, Михаил Болотских из села Успенка, сказал:

– Дождаться бы проливного дождя, вот тогда и броситься на штурм.

– Не выйдет, – возразил комиссар. – Ракеты светят хорошо и в проливной дождь.

– А если сделать подкоп? – подал кто-то мысль. – Под самый ихний дзот.

– На таком-то расстоянии? Ну ты даешь, – засомневалось сразу несколько голосов.

– Так можно свою траншею подвинуть еще ближе к высоте.

Задумался комиссар и сказал:

– Идея отличная. Но надо все же посоветоваться с начальством. Как следует обмозговать.

6

И начальство, то бишь командир 4-го гвардейского полка Борис Лев согласился на такой во многом авантюрный, но, пожалуй, единственно в данной ситуации верный вариант. Уж больно нужны были свежие разведданные о противнике, да и дзот следовало уничтожить. Сказал Малышеву:

– Чувствую, ребята в батальоне с головой. Но боюсь, что она у них слишком горячая. Бери-ка ты всю ответственность на себя. И одно из двух: либо грудь у вас у всех будет в крестах, либо...

– Голова в кустах? – продолжил Малышев.

– Не стану так говорить, потому как верю, что при всей осто-

рожности операция выйдет удачной.

Были солдаты туннель, а длина его, как выяснилось позже, составляла ни много ни мало 48 метров, только в ночное время. Непосредственными копачами с малыми саперными лопатками в руках были три гвардейца, остальные несколько человек ведрами и касками по немножке выносили землю наружу.

И так, втихаря, посменно с позднего вечера до ранней зари. Работа эта была для гвардейцев архисложной и изнурительной. Непросто было прятать землю, рассыпая ее по брустверам окопов и траншей, прикрывая травой. Ведь над позициями дивизии, как хищный коршун, постоянно дежурила немецкая двух-фюзеляжная рама. Выглядела, искала...

Как-то, отдохнув чуть более положенного, старший смены сержант Киселев (да, да, он тоже был из села Речица) сказал своим подопытным:

– Если верить замерам, то еще примерно через 30-40 сантиметров мы аккурат окажемся под колючей проволокой.

Вонься поцарапаться? – пошутил кто-то из ребят.

Шутки в сторону! – одернул его сержант. – В этом месте мы должны сделать небольшое отверстие для вентиляции.

Нормалек! А то дышать становится все труднее.

Значит, и закурить можно будет?

Нет уж, браток, потерпи до утра.

Гут, кому трудно приходилось без курева, сказал с раздражением в голосе:

– Ну, фриц, первым задушу тебя в своих ласковых объятиях.

Это потом, – успокоил его Киселев, – а сейчас за дело.

Последние метры приходилось копать с особой осторожностью. Ведь немцы были где-то совсем рядом.

Приложишь, бывало, ухо к земле, – вспоминал десятилетия спустя один из этих гвардейцев, – и слышишь еле внятные разговоры на чужом языке. Чувствовались также и шаги солдат.

Гут самое время пояснить оперативный план нашего командования. Заключался он в том, что ударный штурмовой отряд должен был браться на позиции гитлеровцев сквозь прорытый тоннель, а остальные атакуют высоту влоб. Для этой цели были заранее продела-

ны проходы в минном поле (в последние минуты их обозначили белыми бинтами) и заложены фугасы под немецкие колючие заграждения. Взрыв этих фугасов и должен был послужить сигналом к штурму.

Прогремел он мощно ровно в 4 утра, подняв в воздух колючую проволоку. В тот же миг воины батальона ринулись на высоту. Из тоннеля, выход из которого был открыт мгновенно, выбрались на поверхность десять отважных гвардейцев. И вот он, перед глазами, дзот, двое часовых возле него. Для них это была совершенная неожиданность, как, впрочем, и наступившая после коротких очередей из автоматов смерть.

Командовавший отрядом смельчаков сержант Анцупов бросился к дзоту и, открыв дверь, метнул во внутрь одну за другой две гранаты. Таким образом, с мощной оборонительной точкой было покончено.

Тем временем батальон при мощной поддержке артиллерии практически одним броском оказался на высоте 257.0. Мало того. Развивая успех, гвардейцы вплотную приблизились к немецкой артиллерии, вывели из строя несколько орудий. И согласно приказу вернулись на высоту.

Успех был необычным с точки зрения малой военной стратегии и тактики. Ведь с боем была взята, казалось, неприступная высота. Кроме того, захватили ее, по сути, без потерь (всего четверо раненых солдат). В то же время немцы не досчитались многих. Свыше 20 из них были взяты в плен.

Об этом боевом эпизоде, конечно же, рассказали на своих страницах дивизионная и армейская газеты. Но, пожалуй, не менее интересно узнать о перипетиях того штурма от тех, кто в нем участвовал непосредственно или был свидетелем его.

М. Рогожин, гвардии старший лейтенант.

Длился бой несколько минут, но готовились мы к нему сутками. Иной раз разговаривали шепотом.

В. Мезенцев, гвардии рядовой.

Я был в числе тех, кто пробирался через подкоп на высоту. Вовсе

такого не забыть.

А. Кузьмин, гвардии капитан.

Было бы наивно полагать, что немцы смирились с такой потерей. И потому, как только забрезжил рассвет, во всю силу заработала их артиллерия. Снаряды и мины буквально перепахивали землю. Не молчали, правда, и наши пушки. Били из всех стволов по врагу минометы.

Канонада прекратилась так же внезапно, как и началась. И тогда где-то в стороне левого фланга батальона послышался голос Констанции Никольникова:

— Эй, кто там нуждается в медицинской помощи? Медсанбат к вашим услугам.

Помощь нужна была многим. Но уже одно то, что голос санинструктора звучал ровно и спокойно, уже одно это поднимало настрой людей. О них помнили, заботились.

Увы, санитарам не пришлось взяться за свое дело по-настоящему. С противоположной стороны снова ударили пушки, вслед за тем из ближайшей балки выкатились танки, за ними пехотинцы. И снова разгорелся кровопролитный бой.

По словам Виталия Павловича, в том крошечном аду бойцам батальона при естественной поддержке артиллерии полка пришлось продержаться около трех недель. К счастью, потерь было не так уж и много. Углубив в стенах окопов и траншей так называемые лисьи норы, прячась в них, солдаты оставались практически недосягаемыми для осколков снарядов и мин. Но сколько веревочке ни виться...

— А ведь немчуря-то вроде выдохлась, — сказал, успевший перебежать Михаил Болотский. — Тише становится день ото дня.

— От фашистов всего можно ожидать, — засомневался сосед. — Соберутся с силами и снова попрут.

Болотских не сдавался:

— Не до нас им сейчас. Слышал, что творится под Сталинградом?

Откуда-то из дальнего “купе” землянки послышался голос:

– Хана, братцы, пришла немцам. Чует мое сердце, что и мы скоро двинемся в наступление.

Что же касается пророчества Болотского, то он оказался прав. Побесившись от злости еще сутки-другие, фашисты смирились с потерей высоты. По ночам, словно украдкой, натягивали поодаль от высоты в три ряда колючую проволоку, минировали поле.

Для воинов 6-й гвардейской продолжалась обычная фронтовая жизнь.

7

Михаилу Леонидовичу Поветкину недавно исполнилось 86. Он инвалид войны второй группы и потому без лекарств и уколов, по чует его которыми жена-медик Елена Прокофьевна, не обходится, по сути ни дня. А вот память у него преотличная. Нескупой и на слова, особенно если с милостивейшего благословения хозяйки квартиры “примет на грудь” рюмку-другую. Но это крайне редко. А в основном у него такая же, как и у всех прошедших войну и оставшихся живых, трезвая жизнь.

К достоинству М.Л. Поветкина можно отнести и то, что ему, как и другим ливенцам, довелось воевать в родной поначалу 120-й стрелковой дивизии, а затем переименованной за успешные бои под Ельней, 6-й гвардейской.

Перед самой войной он окончил курсы радистов, получил второй разряд и звание сержанта. 24 июня его стрелковый полк, располагавшийся в Ливнах в районе нынешнего Дома молодежи, погрузили с всем армейским скарбом в вагоны – и напрямик на Брянск. А оттуда уже своим ходом, в сторону Ельни, захваченной фашистами. Под Ельней, как известно, ливенские браво-ребятушки получили первое боевое крещение. Город был взят. Вскоре освободили от врага Ефремов и Новосияль и заняли долговременную оборону — неподалеку от Ливен.

Командуя мощной установленной в крытом кузове трехстороннего автомобиля радиостанцией, сержант Поветкин много знал, чего не могли знать его друзья-однополчане. А тут еще при всей сложности военной обстановки ему удалось-таки заскочить в Ливны, только что

Ну, что там? – спрашивали его ливенцы.

Да я ведь, милые вы мои, – отвечал он, – и побыл там всего несколько минут. Разузнаешь разве за это время все?

Что увидел, с кем удалось поговорить? – не отставали от него земляки.

Вдыхал тяжело Поветкин и в который уже раз отвечал:

Хотелось проведать родных. Но вместо дома торчала одна печная труба, а вокруг — головешки. Что делать? Взял на память валявшуюся в золе алюминиевую ложку и скорее сюда, в часть.

Это уже много времени спустя стало известно, что, ворвавшись в город, фашисты рыскали по домам, разыскивали коммунистов, грабни, расстреливали. Комсомольцы-подпольщики распространяли в городе листовки и тексты сводок Информбюро, взрывали здания, вырезали телефонный кабель. Оккупация города продолжалась все то время. За это время на месте Ливен остались руины и пепел.

Побывав здесь, корреспондент “Комсомольской правды” Юрий Жуков назвал его мертвым городом, городом-мучеником, Помпеей наших дней.

Как сообщалось потом в местной газете, для защиты города еще в начале июня был сформирован под командованием начальника городского отдела милиции Павлова истребительный батальон. Слабо вооруженные его бойцы (в основном добровольцы, не подлежавшие призыву в армию) грудью встали на пути фашистской армады, вступили в неравный бой, но были частично рассеяны, а частично истреблены.

В числе героически погибших в той короткой схватке оказались председатель горсовета Степанов, учитель Титов, заведующий электростанцией Садовский, начальник Осоавиахима Григорьев, сотрудник милиции Красов, рабочий артели Сажин, студентка педучилища Кира Кузнецова. Имена многих других остались неизвестными...

Между прочим, во время одного из разговоров с земляками Поветкин не преминул сказать, что не за горами время, когда и 6-я гвардейская от обороны перейдет в наступление. И в этом был свой смысл. Прибывший в дивизию новый командир Ф.М. Черокманов (за время войны он удостоился трех орденов Суворова — редкий случай), и

ных суворовских афоризмов: “Тяжело в учении — легко в бою”. И по-своему жалея солдат, не давал им, как говорится, почивать на лаврах, а точнее, отлеживаться в землянках на грубых подстилках.

Несмотря на реальную близость врага, выискивались всякие мнимые и не мнимые возможности для того, чтобы регулярно, строго по расписанию заниматься строевой и физической подготовкой, маршбросками, разумеется, наряду с постоянной боевой и учебной стрельбой. А чего стоило многим преодоление полос с многочисленными препятствиями.

— Да уж лучше живому фрицу брюхо штыком проколоть, — шутили гвардейцы, — чем совать его в чучело!

8

По словам полкового комиссара Малышева, агитбригада саратовских артистов должна была прибыть в часть еще третьего дня. Но вот уже на исходе четвертый, а от нее ни слуху ни духу.

— Значит, что-то случилось в пути, — размышлял комиссар. — Немцы кругом.

Но вот порог просторного командирского блиндажа переступил полковой парторг старший лейтенант Николай Дорофеев.

— Какие новости принес? — не дав ему раскрыть рот, спросил Лев.

— Артисты приехали. Какие будут указания?

Командир полка, посмотрев на часы, сказал:

— Так, сейчас половина четвертого. Стало быть, это мероприятие на завтра откладывать не стоит. А потому пока солдаты будут, собираться, артисты успеют с дороги отдохнуть. Да не забудьте покормить их.

И вот уже, как бы самой природой приготовленной для концерта в поросшей лесом балке начался концерт. Первым на импровизированную сцену поднялся невысокий тщедушного вида человек и неожиданно густым и на редкость красивым баритоном запел: под аккомпанемент баяна:

Ты стояла молча ночью на вокзале,

На глазах нависла крупная слеза.

Может, в путь далекий друга провожали

Черные ресницы и черные глаза.

И такая вдруг тишина воцарилась в огромном овраге-зале, что даже раскрывшая было клюв для своей песни залетная птичка тут же умолкла. И только где-то ближе к самодеятельной сцене послышался взволнованный голос какого-то гвардейца:

Так это же о моей Марине песня.

На него, однако, зашикали соседи “по партеру”, а солист продолжил:

Пошел в даль умчался

Рельсы отгудели.

Милый друг уехал, может, навсегда

И с тоской немой в след ему глядели

Черные ресницы, черные глаза.

Понравилась всем и вторая песня, исполненная пышногрудой артисткой. И, скорее всего потому, что она, песня эта, теребила душу каждым словом и своей душевной мелодией...

Более часа длился этот концерт, и каждый номер его сопровождался дружными солдатскими аплодисментами. Не обошлось, конечно, без юмора и сатиры. А в заключение, как оно, впрочем, уже вошло в традицию, всеми присутствующими исполнялась своя, сочиненная местными талантами песня. Вот один куплет:

В сражениях страха не зная

И смерть презирая в бою,

Дивизия наша Шестая

За Родину бьется свою.

И какие были голоса, а как били гвардейцы дробь-чететку!

Эти люди от самого Бога, — как всегда, с уверенностью на все 99 % говорил обычно санинструктор Константин Никульников. С ним, конечно, соглашались, и, он, пользуясь таким высоким “рейтингом”, тут же добавлял. — Вот в нашей деревне, к примеру, был такой человек, что если он давал своему голосу полную силу, то ви-

сящая под потолком керосиновая лампа тут же гасла.

– Это в какой же такой деревне? – настораживались заинтересованные бойцы.

– В Калинино Ливенского района.

Никульников и сам обладал красивым бархатистым голосом, но не таким, как старший сержант Иван Петров из того же четвертого гвардейского полка, который, кстати, сидел тут же в небольшом солдатском кругу.

Их часто просили спеть дуэтом, и они исполняли под аккомпанемент баяна “Средь высоких хлебов затерялося небогатое наше село”. И пусть почти каждый из слушателей до войны жил в хатенке, крытой соломой, в пелене которой водились воробьи, пусть топили печь коровьими лепешками-кизяками, замерзая в стылую зиму и порой не доедая, но это была их родная земля, со всеми горестями и радостями. Потому и песня была про них самих.

И тут в просторную солдатскую землянку ввалились трое – командир полка гвардии полковник Лев (через четыре с небольшим месяца Борису Леонидовичу присвоят звание Героя Советского Союза за удачную боевую операцию), а с ним еще двое офицеров, как потом выяснилось – корреспондентов фронтовой газеты.

И сразу — мертвая тишина.

– Да вы садитесь, – постарался снять возникшее напряжение командир полка. И, достав металлический портсигар, предложил:

– Кто курит – прошу воспользоваться папиросами.

Помолчали, дымя “беломором”. И полковник заговорил снова:

– Хорошо пели вы, ребята. Мы даже, если говорить честно, минуты три стояли рядом с землянкой. Кто же у вас тут за главного?

Солдаты называли “главного”, не забыв добавить к нему и “подпевалу”. Заговорили и корреспонденты. Рассказав о боях под Сталинградом, в районе Новороссийска, поинтересовались настроением гвардейцев.

– Оно у нас на должном уровне, – заверили их.

Кто-то добавил:

– Скорее бы в наступление да показать немцам, где раки в России зимуют.

– Где же? – заинтересовался один из военных корреспондентов.

Самым смелым и тут оказался Никульников:

– Чует мое сердце, да и полковое начальство не раз говорило об этом, что по-настоящему нам придется сразиться с фашистами где-то в районе Белгорода, Курска и Орла.

9

Из личного архива В.П. Псарева:

В третьей декаде января 6-я гвардейская дивизия в составе 48-й армии прорвала долговременную оборону противника севернее Верховья и перешла в наступление в сторону Змиевки. Тем самым она обеспечивала левый фланг и стык 13-й армии, которая вела наступление на Касторное. В связи с этим соединения 48-й армии сдвинулись южнее, и ранее намеченную полосу наступления на Покровское заняли части 3-й армии.

Гвардейцы же с боями продвигались в направлении Алексеевка-Змиевка, через населенные пункты Ушаково, Александровка, Топки, Федоровка.

Зима же с первых же чисел декабря выдалась на редкость суровой, ртутный столбик термометра нередко опускался ниже 30-градусной отметки. А тут еще метели. И можно представить себе, в каких невероятно сложных условиях приходилось вести наступательные бои.

– Помню, – вспоминал Виталий Павлович, – 15 февраля на календаре, и лыжный батальон под командованием капитана Кузнецова (в последние годы он жил в Орле) одним из первых ворвался в Алексеевку. Завязался ожесточенный неравный бой. Гитлеровцы обрушили на гвардейцев массированный пулеметный и минометный огонь. Выбывали из строя лыжники. Ранение получил и комбат. Истекая кровью, он однако продолжал руководить боем.

– Товарищ капитан, – обратилась к нему медсестра. – вам надо непременно сделать перевязку.

– Какую еще перевязку! – пошутил Кузнецов. – Ведь до конца боя остались считанные минуты. Вот добьем фрицев...

– И все же я настаиваю, – повысила голос медсестра. – Учтите, в случае чего спросят с меня.

– Я тогда стану вашим защитником, – снова отшутился комбат.

И тут его подкараулила, задев плечо, вторая вражеская пуля. Меж тем немцы, желая во что бы то ни стало удержать Алексеевку, все больше давили превосходящими силами на лыжный батальон. И когда, казалось, пришло время отступить, раздалось вдруг дружное и разноголосое:

- Ура! Вперед! За Родину!

Это на помощь лыжникам Кузнецова подоспели стрелковые батальоны 4-го и 25-го гвардейских полков. Враг дрогнул и, остервенело отстреливаясь, покинул Алексеевку.

Но немцы умели воевать. Они ушли, и тем весомее была общая победа. Однако, собравшись с силами, противник снова перешел в наступление. И снова завязался кровавый бой. Бойцы обрушили на супостатов всю мощь своего огня. Работала во всю артиллерия, минометы, без устали строчили по врагу автоматы и пулеметы. Неся огромные потери, противник тем не менее шаг за шагом продвигался вперед. И тогда заместитель командира 10-го гвардейского стрелкового полка по политической части майор Якушев вместе с комбатом капитаном Сафроновым подняли бойцов в контратаку.

Всего ожидали от оборонявшихся русских враги, но только не этого мощного "Ура!". Атака и последовавшая за ней рукопашная схватка вновь обратили немцев в побег подальше от смертного греха.

Из книги "В пламени сражений": "В зимних наступательных боях 1943 года 6-я гвардейская дивизия прошла 75 километров, освободив много населенных пунктов Орловской области... В этих боях воины-гвардейцы проявили мужество и отвагу, беспощадно нанося один удар за другим по врагу".

И очень многие из них удостоились наград. В том числе орловцы пулеметчик Иван Заморин, бронбойщик Алексей Кузнецов (только в бою за Алексеевку подбил 3 бронетранспортера), ливенцы Сергей Булатников, Алексей Кузьмин, Виталий Псарев.

Из личного архива гвардии майора в запасе В.П. Псарева:

С учетом сложившейся военной обстановки 23 апреля 1943 года дивизия передала свой участок обороны в районе Алексеевки 16-й литовской стрелковой дивизии и перешла в подчинение 17-го гвардейского стрелкового корпуса 13-й армии, которой командовал гене-

рал-лейтенант Н.П. Пухов.

Располагаясь в районе Фатежа на отдыхе, дивизия пополнялась личным составом и боевой техникой.

Таковыми они были на войне. В. Псарев — в центре.

Они воевали в 6-й гвардейской.

Бывший начальник радиостанции М.А. Поветкин с супругой Еленой Прокофьевной, 1985 г.

Встреча ветеранов 6-й гвардейской в г. Ефремов, освобожденном ею от фашистов 40 лет назад.

К.М. Никульников со старшим сыном и невесткой у обелиска.

На высоте 257.0.

Ельня навсегда останется в памяти гвардейцев.
Встреча в 1981 году.

Часть V. На Огненной дуге

– Никогда не забыть мне той июльской ночи, – вспоминал А.Ф. Кузьмин. – На темно-синем куполе неба ярко мигали звезды. От рош и кустарников веяло свежестью. Никто не спал. Не нарушая разговорами ночную тишину, каждый думал про себя свою думу. Все знали, что тишина эта нарушится и точно в установленный срок.

В 2 часа 20 минут раздалась мощные артиллерийские залпы, на пространстве, занятом 13-й армией генерала Н.П. Пухова. 30 минут гремела эта канонада, скрывая расположение противника непроницаемой стеной черного дыма и пыли.

Потом наступила тишина, за которой должна была следовать тщательная подготовка противника. Небо почернело от сотни вражеских пикирующих самолетов, снабженных для устрашения воющими сиренами. Бомбардировщики врага сбросили свой смертоносный груз, и только после этого фашисты начали свою артиллерийскую обработку нашего переднего края.

– Полк наш, – продолжал свой рассказ Кузьмин, – еще не вступал в бой, мы еще выжидали и имели возможность наблюдать за ходом сражения со стороны.

– Вскоре разведчик Сергей Потапов воскликнул:

– Смотрите, какая силища прет...

2

Теперь, после слов Алексея Федоровича, сошлось на запись, заимствованную из книги “В пламени сражений”, повествующей о боевом пути 13-й армии (Воениздат, 1973г.).

...Более ста дней обе стороны в районе Курского выступа готовились к сражению. Днем и ночью разведчики следили за поведением противника. Было ясно, что он, получив увесистый “подзатыльник” под Сталинградом, готовится к летнему наступлению, рассчитывая на реванш.

В 22 часа 30 минут в районе совхоза Тагино застрочили автоматы и пулемет, в ночное небо врезались трассы ракет. Это вступила в бой с тремя фашистскими минерами и прикрывавшими их автоматчика-

ми группа наших разведчиков.

Бой вскоре прекратился. Разведчики возвратились назад, прихватив с собой в качестве долгожданного “языка” сапера пехотной дивизии Формелло. Пленный показал, что наступление назначено на 3 часа 5 июля.

Сегодня вечером, — продолжал показания Бруно Формелло, — нам зачитали приказ командующего армией.

Что же представляла собой Курская дуга?

Напомним, что в середине марта 1943 г. линия фронта отодвинулась далеко на запад и почти прямо проходила с севера на юг от Ленинграда и до Таганрога. И только в районе Курска советские войска глубоко вклинились в расположение противника, создав так называемый Курский выступ размером в 65 тысяч квадратных километров.

Полоса фронта на этом выступе проходила по направлению Тагино (это полпути от Курска до Орла), Севска, Курска, Белгорода. Ширина дуги у основания превышала 200 километров, а у вершины достигала 150, глубина выступа доходила до 250 километров.

Это — по данным архива Министерства обороны СССР.

Как считает другой ветеран дивизии В.П. Псарев, ему, как и его бывшим товарищам, никогда еще не доводилось видеть такое количество войск с нашей стороны. Здесь, на рубеже обороны Поньри-Ольховатка, и далеко в глубь тылов располагались все рода войск: танкистов с массой танков Т-34, артиллеристов-бронбойщиков с новыми образцами пушек, полки “Катюш” и “Ванюш” (установки реактивных крупнокалиберных реактивных снарядов).

Артиллеристы получили подкалиберные и кумулятивные снаряды, которые обладали огромной пробиваемостью.

В воздухе действовали модернизированные бомбардировщики, штурмовики, истребители. По своим тактическим данным наши штурмовики Ил-2, бомбардировщики Пе-2, истребители Як-9, ЛА-5 во многом превосходили соответствующие типы самолетов противника.

В свою очередь, и противник, готовясь нанести главный удар по нашим войскам в направлении Поньри-Ольховатка, сосредоточил немалые силы, возлагая особую надежду на свои танки новых типов, в том числе “Тигр”, “Пантера”, а также самоходную артиллерию-

кую установку “Фердинанд” с лобовой броней до 200 миллиметров и скорострельной пушкой 82-миллиметрового калибра. Неисчислимое множество солдат было задействовано с обеих сторон.

3

Теперь снова обратимся к А.Ф. Кузьмину.

— Силища на нас двинулась, действительно, огромная. Тяжелые и легкие танки, самоходки, автотранспорт с пехотой, вооруженной автоматами, ручными пулеметами, гранатами, орудия на конной тяге. И тысячи солдат.

Наблюдая за продвижением противника в стереотрубы и бинокли, наши разведчики пытались подсчитать, сколько же смертоносных машин направлялось против нас. Не смогли, сбились со счета.

Но гвардейцы думали: техника врага сильна — спору нет. Но успех кампании будут решать люди.

В стереотрубу я видел, как наши пехотинцы с изумительной выдержкой пропускали немецкие танки и бесстрашно отсекали от них пехоту, расстреливая ее в упор из автоматов и пулеметов.

— Смотрите-ка, трусили, гады, припали к земле, — услышал я голос одного из наводчиков, приставившего снова к глазам бинокль.

Другой артиллерист также не сдержался от торжествующего восклицания:

— И танки остановились. Вот уже и попятиться назад!

Взбучку фашистскому воинству дали солдаты 15-й Сивашской дивизии, находившейся в первой полосе обороны.

Не выдержав, однако, натиска превосходящих сил противника, солдаты 15-й Сивашской и 81-й стрелковых дивизий отступили. И тогда в бой с прорвавшимися фашистами вступили мы. «Ну ж, был денек...», невольно приходили на ум слова из стихотворения Лермонтова «Бородино».

...Вам не видать таких сражений,

Носились знамена, как тени,

В дыму огонь блистал...

Наш бой был пострашнее бородинского. И не приведи Господь, чтобы люди испытали в будущем что-то подобное.

Не считаясь с огромными потерями в живой силе и технике, враг

наседал. И только во второй половине дня нам пришлось немного отступить и занять новый рубеж обороны в районе станции Малоархангельск - Дружковский хутор - деревня Бобрин. Враг тем временем нацелил свои войска на Ольховатку.

Сотни вражеских батарей и самолетов обрушили свой смертоносный груз на вторую армейскую линию обороны, где находились порядки 6-й гвардейской стрелковой дивизии. Сплошной дым, пыль и удушливая гарь заслоняли небо. Трудно было разобрать, давно ли было утро и скоро ли будет ночь. Вой снарядов и бомб сливался с гулом танков и самолетов и грохотом разрывов.

Трудно было поверить, что в этом аду осталось что-либо живое, способное оказывать сопротивление. Но факт оставался фактом: отчаянные, одна за другой атаки фашистов захлебывались, натываясь на стратегически умело организованную оборону.

Да, недаром мы отдали столько сил и старания на создание такой обороны. Глубокие окопы, ходы сообщения, блиндажи в три наката, а сверху еще и метр земли. Таким укрытиям не страшны были снаряды и мины прямого попадания.

Так что мало чего добились немецкая рать в первый день боев, хотя на отдельных участках фашистам все же удалось вклиниться в наши боевые порядки. Но какой ценой! Мало чего добились фашисты и на другой день, 6 июля, несмотря опять же на крупные потери. Всякие их попытки, в том числе и психические атаки, встречались всепокрушающим огнем из всех видов оружия. Как и в предыдущих сражениях, воины 6-й гвардейской проявляли исключительное мужество и бесстрашие.

4

Наибольшая тяжесть боя, по мнению В.П. Псарева, основанном на данных архива, легла на плечи 4-го гвардейского стрелкового полка. Увидев, однако, перед собой огромное количество танков, сопровождаемых пехотой, а также узнав об отходе 107-й танковой бригады, командир полка приказал подчиненным оставить занимаемый рубеж и в конечном счете потерял управление боем. Отходившие подразделения полка, достигнутые в движении прорвавшимися танками врага, вступили с ними в бой. В это время заместитель коман-

дира стрелковой роты 25-го гвардейского полка лейтенант Шалимов поднял бойцов своей роты и при поддержке пулеметчиков, истребителей танков отбросил фашистов с занятого участка. Решительные действия Шалимова помогли восстановить положение на стыках полков. Враг дальше не прошел.

Вечером того же дня командиром полка вместо отстраненного был назначен Н.В. Будьлин (впоследствии он стал Героем Советского Союза).

С утра 7 июля на штурм позиций 4-го полка немцы отрядили батальон пехоты и 30 танков. Это с северной окраины 1-е Поньри. Из района Ржавца на полк двинулись еще два батальона с 40 танками, среди которых, ощерившись стволами пушек, маячили "Тигры" и "Пантеры".

Более 13 часов продолжался этот беспримерный по накалу и ожесточению сражавшихся кровопролитный бой.

Вклинившись в стык между 4-м и 10-м гвардейскими стрелковыми полками, гитлеровцы потеснили правофланговый батальон и, обойдя его с фланга, вышли в тыл 3-го батальона. Около трех часов батальон сражался в окружении. Вырвавшись из кольца, он занял новый оборонительный рубеж.

И сколько же их было, подобно этому, эпизодов в фронтовой жизни полка в те июльские дни! Дивизионная газета рассказала однажды о том, как группа саперов под командованием лейтенанта Дубовицкого, несмотря на вражеский огонь, выдвинулась на танкоопасное направление и установила там ловушки для вражеских бронированных машин. Через 15-20 минут, когда началась танковая атака гитлеровцев, на этих минных ловушках подорвалось 16 танков. Только минер Кильчевский на своем участке устроил "капут" четырем вражеским машинам.

Во время одной из встреч со своими однополчанами в мирное уже время гвардии полковник запаса Н.В. Будьлин рассказал о том, как уже на исходе дня 8 июля в направлении его командного пункта двигались "на рысях" четыре фашистских танка.

— Надо же, думаю, — прорвались. Чем же встретить незваных гостей?

А из "гостинцев" у связистов и небольшой группы штабистов, кро-

ме личного оружия, ничего по существу не было.

– И тогда слышу взволнованный голос командира отделения связи сержанта Алексея Копылова:

– Можно мне, товарищ полковник?

– Что можно? – не понял я смысл вопроса. Он вместо ответа показал уже приготовленную связку ручных гранат.

Выбор у меня в то критическое время был только один: разрешить.

И вот уже, маскируясь в складках местности, близко прижимаясь к земле, как учили в мирное время... – полковник усмехнулся. – Но что не менее интересно, вслед за своим командиром навстречу танкам, уподобившись ящерицам, поползли еще двое связистов.

– Ничего себе спектакль, – промолвил один из участников встречи.

– Это была драма, – Будылин при этих словах не удержался и вслед за первой прикурил другую сигарету, – но драма, скажу я вам, со счастливым концом. Видим, как головной танк, словно наехав на что-то неприступное, вздрогнул, завертелся на месте. Такая же участь постигла и вторую фашистскую машину.

– Но ведь их было четыре, – напомнил рассказчику кто-то.

– Остальные два достались артиллеристам.

5

Уже много лет спустя в попавшей мне в руки книге “В пламени сражений”, посвященной боевому пути 13-й армии, я прочитал следующие строки: “Кипела беспримерная и ожесточенная схватка на фронте обороны 6-й гвардейской дивизии. В районе Первые Поньры с 30 танками и мотопехотой вел бой 4-й гвардейский полк под командованием подполковника Н.В. Будылина. Батарея А.Ф. Кузьмина уничтожила два танка, два бронетранспортера, четыре танкетки, два орудия, пять пулеметных гнезд, много живой силы. Особенно отличились командиры огневых взводов Кубарев и Нестеров, командир орудия Стешенко. Все они были удостоены правительственных наград. На груди Алексея Кузьмина засиял орден Красного Знамени”.

...Один из батальонов полка занимал тогда на местности господствующую высоту. И ох как она мешала немцам осуществлять свои

замыслы, и потому они не раз уже пытались взять ее любой ценой. Не получалось. На сей раз их танки подошли к высоте почти вплотную, и даже невооруженным глазом хорошо была видна свастика на броне. Тогда командир орудия старший сержант Семен Алдобаев (родом он из деревни Алдобаевки Ливенского района), используя пересеченный рельеф местности, скрытно со своим расчетом выкатил орудие метров на 50 вперед, поставил его в такое положение, чтобы немецкие танкисты не могли его разглядеть, и стал ждать. Вдавливая землю и тяжело урча моторами, танки двигались на позиции батальона. Когда первый танк подошел на 150 метров, раздалась негромкая команда:

– По гусеницам противника — огонь!

Танк остановился.

– По второму танку — огонь!

Снова выстрел, и второй танк, окутанный дымом, вышел из боя.

По рядам наших воинов пронесся одобрителный гул.

– Слава артиллеристам!

Но торжествовать было еще рано. Вражеские танкисты обнаружили наше орудие и стали обходить его с флангов. Алдобаев был начеку. Он развернул орудие на 90 градусов и открыл огонь по третьему танку.

Но — в пылу боя всего не предусмотрить — из подбитого танка грохнул выстрел. От прямого попадания в орудие практически весь его расчет вышел из строя. Вместо этого заговорило на своем языке с врагом второе орудие батареи Кузьмина. Фашистам пришлось отступить снова.

Благодаря различным дневниковым записям, газетным вырезкам, которые хранятся в личном архиве В.П. Псарева, стало известно о боевых подвигах артиллеристов восьмой батареи 34-го артполка, командовал которой гвардии старший лейтенант Н. Бойко. В первый день сражения на Огненной дуге противнику ценой больших потерь удалось вклиниться в нашу оборону на несколько километров. Он сходу ринулся к большаку Поньры – Ольховатка, полагая, что уже вышел на оперативный простор.

– Рано обрадовались, – говорили артиллеристы. И были правы.: неожиданных гостей у большака встретили жерла трех 76-миллимет-

На полях Курской битвы

ровых орудий.

Около трех десятков немецких танков ползли на батарею. Шли напряженные минуты ожидания. У артиллеристов хватило выдержки, чтобы подпустить немецкие танки поближе. Наводчики медленно вращали поворотный механизм, чтобы вражеский танк не ушел из объектива панорамы.

Дистанция между вражескими танками и нашими позициями медленно, но верно сокращалась. Когда они подошли на 200-250 метров, артиллеристы открыли ураганный огонь. Фашисты не выдержали боя и отступили, оставив на ратном поле восемь горящих и пригвожденных к земле машин. Три танка в этом бою подбил Сергей Новожилов. Был он легко ранен, но не ушел с поля боя, пока не наступила ночь. Сходил на перевязку и снова вернулся в строй.

Артиллеристы поздравляли друг друга с победой, готовились к отражению новой атаки. Однако фашисты в этот день больше не решались опрометчиво лезть на этом участке. Наступила ночь. Славные пехотинцы привели себя в порядок и укрепились попрочнее в своих траншеях второй линии обороны, откуда потом и началось наступление дивизии.

После двухдневных кровопролитных сражений командир 34-го полка подполковник И. Буценков по приказанию командира дивизии Д. Онуприенко (М. Черокманова назначили командовать стрелковым

корпусом) должен был перейти на запасной наблюдательный пункт. Командир батареи Онищенко остался на наблюдательном пункте командира полка, чтобы корректировать огонь группы артиллерии по танкам и пехоте противника. Раненый, он продолжал выполнять задание. Вот уже уничтожены 4 танка, до двух батальонов пехоты. В это время фашистские танки отрезали батарею от тяги и повели непрерывный огонь по ее огневой позиции. Все атаки неприятеля были, однако, отбиты.

С наступлением темноты вместе с батареей Онищенко поймал бродячих лошадей, приспособил упряжь, вытащил орудия, поставил их на новую позицию и на следующее утро снова как ни в чем ни бывало открыл огонь по танкам, не оставляя им никаких надежд прорваться к Ольховатке.

7

Илья Харитонович Репин — полный кавалер солдатского ордена Славы. На его счету 8 подбитых танков, в том числе два “тигра”. Пехота не в счет. Ее смахивали с бронированных машин, расстреливали в упор, если прорывалась к траншее. День на день, конечно, не приходился: бывало затишье, случалось и такое, когда небо казалось с овчинку.

— Однажды, — вспоминал ветеран, — фашистский танк чуть было не отправил наш расчет на тот свет. И только, наверное, провидение спасло от смерти. Батарея, по его словам, отбила тогда очередную атаку фашистов, и кое-кто из артиллеристов потянулся уже за куревом, как вдруг из-за пригорка вынырнул “тигр” и, выплевывая на ходу снаряды, устремился напрямик на их орудие. Выпалили мы по нему из 76 миллиметровой пушки раз-другой, а он прет, как заговоренный. И вот уже у самого орудия. Ну, думаю, хана и на всякий случай скомандовал ребятам: “Ложись!” А танк, черт бы его побрал, застыл с задраным орудием на месте. Оказывается, броневой вцепили по нему с соседнего орудия. Тем и спаслись.

— А еще, — говорил он, — был случай, когда мы взяли два фашистских танка, можно сказать, голыми руками.

Внимательно слушавшие его школьники усомнились:

— Неужели и такое могло быть на войне?

Огонь по отступающему врагу

– А вот и было, – живо возразил он и изложил “суть дела”, которое случилось с его орудийным расчетом неподалеку от Ольховатки. – Наши войска, дав тогда немцам, как говорится, фитиля под зад, приостановились, чтобы сделать передышку, пополнить боеприпасы. Зарывшись вместе с орудием в землю, расчет Репина блаженствовал от затишья, любовался местностью, которая до грусти напоминала чем-то родные края. Те же березки, перелески.

А надо заметить, что волею судьбы репинская команда чуть ли не на добрую половину была укомплектована из земляков. Заряжающим оказался костомаровский парень Николай Калинин (кавалер орденов Славы и Красной Звезды, он, царствие ему небесное, ушел из брэнной жизни). Жизнерадостный, запевала, он и тут вполголоса завел свою любимую:

Не жалею, не зову, не плачу,

Все пройдет, как с белых яблонь дым...

И тут из расположенной неподалеку березовой рощицы выползли два вражеских танка, взяв направление как раз к тому месту, где, выдвинувшись несколько вперед, замаскировался репинский расчет. Поначалу артиллеристы даже опешили от неожиданности. Подпустив, однако, непрошенных гостей поближе, открыли огонь. Первый танк подбили с третьего выстрела, другому удалось удрать.

Последовал звонок комбата:

– Видимо, была разведка боем. Будьте начеку!

Но немцы больше не показывали носа. А ближе к вечеру в голове Репина созрела мысль: а что если? Поделится ею с солдатами — и за дело. Навели прицел в ту самую точку (артиллеристы знают, как это делается) и стали ждать. Ближе к рассвету с той стороны послышался гул мотора, а затем на фоне светлеющего неба рядом с подбитым показался силуэт другого танка.

– Замолчал мотор с первого же выстрела, – вспоминал ветеран. – Так и стояли две машины рядом около недели, пока наши не пошли снова в наступление. За этих двух немецких “тигров” гвардии старший сержант Илья Репин удостоился второго ордена Славы. Третий, Золотой орден, он получил в конце войны.

8

Короткую, но яркую жизнь прожил уроженец села Троицкое Ливенского района Иван Михайлович Быков, удостоенный звания Героя Советского Союза. Его имя встречается на страницах документальной повести дважды Героя Советского Союза генерала-полковника А.И. Родимцева “Встаньте, живые!” Подробно описан последний бой нашего земляка на Орловско-Курской дуге и в книге И.И. Исакова “Командиры мужают в боях”.

На позицию, которую занимал артдивизион Быкова, двигались танки с десантом на броне. Орудия молчали.

– Не пора ли подбросить огоньку? – позвонили ему с наблюдательного пункта.

– Подпустим еще ближе.

С первого же залпа несколько машин окутались клубами черного дыма. Остальные повернули вспять. Однако не прошло каких-нибудь пятнадцати минут, как танки показались снова. Быков заранее разгадал маневр врага и подготовил для него за счет передислокации батарей на западные позиции огневой мешок. И снова фашисты откатились назад, понесся большие потери.

Но и артиллеристы не досчитались в своих рядах многих. Выходили из строя одно за другим орудия, кончались снаряды.

– Продержитесь еще пару часов, – сообщили из штаба, – к вам

идет помощь.

– Выдержим!

Танки уже не шли напролом. Укрывшись в складках местности, они навязали артиллеристам дуэльную борьбу.

– Кончились снаряды! – услышал Быков доклад.

– Гранаты, личное оружие к бою!

Вот группа “Фердинандов” и “Тигров” двинулась на умолкнувший дивизион. Два из них удалось подбить, остальные прорвались. Вслед за танками поднялась пехота. Тут-то из обрушившегося окопа встал человек. Он сорвал с груди Золотую Звезду, поцеловал ее и проговорил окровавленными губами:

– Гвардейцы не сдаются! Встаньте, живые!

Трое, четверо, может быть, пять человек откликнулись на его зов. В неравной схватке все они погибли у своих искалеченных орудий.

9

Сотни наших земляков проявили мужество и героизм на Орловско-Курской дуге. Среди них беспримерным подвигом прославил себя уроженец села Успенское рядовой гвардеец Михаил Болотских.

Впервые о нем было рассказано в сборнике Орловского книжного издательства “Орлиное племя”, изданного в 1959 году. На одном из участков сражения в районе Ольховатки немцы предпринимали одну яростную атаку за другой, чтобы выйти, что называется, на оперативный простор. Но для этого требовалось преодолеть заболоченный, поросший мелколесьем небольшой массив и небольшую речку, увенчанную мостом. Кроме как по этому мосту танкам врага пройти было негде. По болоту? Опасно. Могло и засосать.

И, предвидя поведение немцев, командир подразделения приказал саперам заминировать мост с тем, чтобы не позволить врагу им воспользоваться. Комбат предупредил:

– Взрывать мост только тогда, когда на нем окажется танк или два.

Было это поздним вечером. А как только стало светать, фашисты напомнили о себе обстрелом наших позиций из пушек и минометов. Вслед за тем появились из-за пригорка и немецкие танки. Вот уже один из них взгромоздился на край моста, чуть поодаль от него шел

другой.

– Пора рвануть?

– Да, в самый аккурат.

Но что за чертовщина: электрическому заряду пора бы уже быть у минной начинки, но взрыва не происходило.

Комбат высказал догадку:

– Что-то случилось с бикфордовым шнуром, видимо, перебило осколком.

Выход напрашивался один: взорвать мост любой ценой. И первым вызвался Михаил Болотских.

– Двум смертям не бывать, а одной не миновать, – сказал он и, прихватив заранее приготовленную на всякий случай взрывчатку – а был он почти рядом с окопами – к мосту.

Михаил понимал, что идет на верную гибель, но воинский долг, клятва, которую он дал у гвардейского знамени, были для него в тот момент превыше всего. Говорят, что в подобных экстремальных случаях в горячем мозгу человека словно в калейдоскопе, мгновенно одна картина жизни сменяется другой. А что могло придти на ум парню, которому от роду не было еще и двадцати? Конечно же, родители, близкие и знакомые, любимая девушка, сельские вечера, рыбалка на реке Сосна, что протекает рядом с селом...

...Но вот он уже и мост и второй уже танк на нем, который после взрыва вместе с мостом рухнул в реку...

Бой был выигран и на этот раз. Успевшие переправиться по мосту танки были уничтожены гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Остальные громадины, а двигалось их на позиции стрелкового батальона около десятка, увидев “утопленника”, повернули вспять.

Да, дорого отдал свою жизнь успенский воин. Похоронили его друзья-товарищи с честью в деревне Битюг Поньоровского района Курской области. В братской могиле, где на обелиске первым среди погибших смертью храбрых, названо имя Михаила Петровича Болотских.

10

А вот рассказ о парторге 8-й роты 25-го гвардейского стрелкового полка гвардии старшем сержанте Александре Серебрянникове,

востроизведенный гвардии майором в отставке Н.А. Алексеевым.

Исполняя приказ фюрера, фашистские войска предпринимали все усилия, чтобы прорвать в районе Поньри-1 нашу оборону. В свою очередь, наши воины использовали все возможное и невозможное для того, чтобы сдержать натиск врага, а затем самим перейти в решительное наступление. По такому сценарию развивались события и в пределах 25-го гвардейского полка дивизии и, в частности, 8-й роты. Вот уже с большими потерями для наседавших немцев отбита первая их яростная атака. Не прошло, однако, и 30 минут, как за первой последовала вторая, не менее яростная. За ней с небольшим перерывом — третья. Поле было уже устлано трупами фашистов, горели танки, когда озверевший враг снова пошел ва-банк, причем было заметно, что на сей раз предпринята психическая атака.

И тут от одного взвода к другому понеслись тревожные слова:

— Командир роты смертельно ранен.

— Убили, гады, старшего лейтенанта...

Парторгу роты в этот исключительно трудный миг потребовалось всего несколько секунд, чтобы, как потом выяснилось, принять единственное решение. И он громким голосом крикнул:

— Рота, слушай мою команду. Огонь открывать только залповый, по сигналу!

Но случилось, казалось, неожиданное. Немцы, преодолев расстояние, как чертики из табакерки выросли перед самыми окопами роты. И Серебрянников, поднявшись во весь рост, крикнул что есть мочи:

— Коммунисты, за мной, в атаку!

И все они, как один, а за ними комсомолыцы (а это почти 90 процентов роты) грудью встретили врага.

Но и немцы тоже неплохие вояки, особенно если на их стороне перевес в живой силе и технике... Александру в этой смертельной схватке достался этакий верзила, который уже было вознамерился проткнуть грудь парторга штыком самозарядной винтовки, но упустив какие-то доли секунды для нанесения удара, сам свалился на землю с проломленной головой.

Второй фашист пустился наутек, но и его не миновала смерть. Всего в этой рукопашной схватке Серебрянников уничтожил пятерых немцев. По несколько вражеских вояк записали на свой счет и дру-

гие гвардейцы роты.

И снова наступила тревожная тишина. И казалось многим, что словно бы ничего часом ранее не происходило, настолько был сильным нервный стресс, а вместе с ним и боевой настрой людей. Хотя бесследно такие атаки не проходят, под их впечатлением люди живут потом не один день и ночь. Не остыв еще от боя, парторг почувствовал, что у него не все в порядке с левой рукой.

— У тебя на гимнастерке пятна крови, — сказал ему командир первого взвода гвардии старший сержант Матвеев. Кто-то другой посоветовал:

— Санбат рядом. Сходи на перевязку.

Парторг не согласился:

— А зачем же тогда индивидуальный пакет?

— Понятное дело, на всякий пожарный случай.

— Вот он, этот случай и пришел.

Рана оказалась несерьезной, и парторг, получив товарищескую медпомощь, решил не оставлять поля боя. Сердце чуяло: вот-вот должны появиться фашисты, а он как-никак выполняет обязанности командира роты.

— Всем отдыхать, — сказал он. — Но быть в полной готовности к бою!..

Не успел он, однако, до конца распорядиться, как кто-то из гвардейцев сказал:

— Танки появились.

— А вон и пехота топает за ними.

— В ружье! — отдал приказ Серебрянников. — Драться будем по-гвардейски.

Танки взяла на себя расположенная неподалеку рота противотанковых ружей. И вот уже они, один за другим, у самых позиций гвардейцев. А пехотинцы рядом. Слышны даже выкрики:

— Рус, сдавайся!

— Ишь, чего захотели, — отвечали гвардейцы. Автоматно-оружейный огонь усилился еще более. Полетели навстречу оголтелым немцам ручные гранаты.

И все. Немцы снова, захлебнувшись собственной кровью, отошли на прежний рубеж.

Перекур, братцы, - повеселевшим голосом распорядился парторг. - Раненых - в санитары.

Его, опытного воина, беспокоила, однако, усилившаяся стрельба на левом фланге, где располагалась седьмая рота. В голове мелькнула тревожная мысль: "Как бы там не прорвали оборону, не зашли бы к нам в тыл". И приказал одному из командиров взвода помочь соседям.

Но и тут не успокоились фашисты. В очередной раз пошли на позицию восьмой роты. И снова закипел жаркий бой, перешедший в пштыковую контратаку. И вновь фрицы, не выдержав, отступили.

Редели вместе с тем и ряды восьмой гвардейской. Парторг был легко ранен во второй раз. Третья пуля настигла его, когда он в очередной раз поднял в контратаку оставшихся в живых бойцов. Те, кто был рядом, увидели, как он, завалившись на правый бок, попытался было встать, но не смог и застыл недвижимый...

Заклучил свой рассказ гвардии майор запаса Алексеев словами: "Гвардейцы роты по-прежнему удерживали свой рубеж. Казалось, не курскую землю обагрила кровь парторга, а втекла в каждого богатырской силой и решимостью любой ценой одолеть врага".

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 августа 1943 года гвардии старшему сержанту А.Г. Серебрянникову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

11

И на этот раз старший политрук гвардии капитан Игнатъев появился в одной из батарей с пачкой листовок. Спросил:

- Читали про Алифанова?
- Павла Константиновича, что ль?
- Ну да.
- Слышал, что-то героическое. Читать, правда, не пришлось.
- Тогда получай листовку. Прочитай сам и передай товарищам.

Старший политрук с остатками листовок отправился на другую батарею.

О подвиге старшего лейтенанта Алифанова тремя днями позже поведала армейская газета, один из экземпляров которой также остался в личном архиве гвардии майора в отставке (увы, уже покой-

ного) В.П. Псарева. Вот почти дословное изложение того материала.

В ту обычную фронтную ночь, когда немцы одну за другой посылали в небо осветительные ракеты, а где-то выше их, казалось, рядом со звездами мелькали огоньки наших самолетов, что шли на бомбежку тыловых частей врага, батареи Алифанова, несмотря на изнурительную усталость, готовили боевые позиции для стрельбы прямой наводкой на участке 10-го гвардейского полка. Несколько впереди орудовали лопатами гвардейцы второго батальона этого же полка. Справа, метрах в 250, уступом от него занимала огневые позиции батарея 57- миллиметровых пушек резерва Главного командования. А по соседству, слева, готовилась к бою батарея 76-миллиметровых орудий 34-го гаубичного артиллерийского полка дивизии.

С наступлением рассвета, после кратковременной, но мощной артподготовки; наши части перешли в атаку. Завязался жестокий (других на Огненной дуге и быть не могло) и кровопролитный бой. Противник упорно сопротивлялся, а потом, собравшись с духом, перешел в контрнаступление. Гвардейцы не дрогнули.

Тем не менее фашистские танки как раз на том участке, где располагалась батарея Алифанова, прорвались и, стреляя на ходу, устремились к цели. Прожженным батареям уже не требовалась команда "Не стрелять, подпустим метров на 100-200, и только тогда..." И когда этот "момент истины" наступил, ударили по врагу из всех стволов 76-миллиметровых пушек.

Вслед за первым залпом раздался второй, третий... Четыре танка, окутанные черным дымом, замерли на месте. Еще два, словно по инерции, шли на свою верную гибель. Первый из них стал жертвой расчета орудия старшего сержанта Грибка. И он, радуясь удаче не удержался от восклицания:

- Ну что, голубчик, схлопотал свое?!

Не остывший еще от скоротечного боя, один из гвардейцев спросил:

- Это какой же у нас по счету?

- Да ты что, неграмотный? Взгляни на ствол пушки. Там вся арифметика прописана.

- Стало быть, уже одиннадцатый.

- Стало быть, так, - ответил Грибок. - Но учти, что Европа на

кленала их столько, что нам еще придется бить да бить.

— За этим дело не станет.

— Смотри-ка, еще три стервы появились. Ребята, кончай перекур! Приготовиться к бою!

Один из “стервецов” вырвался вперед, обстреливая батарею из орудия и пулемета. На прицел его взял командир расчета гвардии старший сержант Овчаренко. Выстрел, другой — и настолько удачный, что снаряд попал в боезапас танка и привел к мощному взрыву.

— Так тебе и надо! — вскричали артиллеристы.

Но вот вражеский снаряд разорвался у самого орудия. К нему бросился командир взвода гвардии лейтенант Аверьянов и увидел истекающего кровью гвардии сержанта Мухина, пытавшегося в предсмертной агонии произвести выстрел. Возле орудия лежали его боевые товарищи.

А в это время расчеты сержанта Максименко и старшего сержанта Грибка вели непрерывный беглый огонь по танкам врага. Один из них подорвался на минах. Два других попытались отойти, но не уцелели от снарядов орудийных расчетов...

— К концу дня, — вспоминал Виталий Павлович, — мне, автотехнику дивизиона, стало известно, что самолетами врага выведены из строя артиллерийские тягачи батареи.

— Полуторки?

— Нет, 76-миллиметровые орудия в то время таскали уже мощные автомобили ЗИС-5. Их требовалось срочно отладить, ибо батарее требовалось в предстоящую ночь сменить позицию. Зная характер повреждения арттягачей, мы погрузили на трофейную танкетку все необходимое, взяли с собой опытных ремонтников — и в путь. Немцы почуяли в этом марше что-то подозрительное и открыли по “своей” танкетке орудийный обстрел. Пронесло. Обстрелял нас на бреющем полете и “Мессершмитт”. Уцелели.

Вместе с водителями отладили поврежденные машины в течение двух с половиной — трех часов. И все время под вражеским огнем. Вернулись в расположение уже ночью.

— Это, наверное, был редкий случай в вашей практике?

— Были случаи и пострашней. Что касается этого, то все ремонтники были представлены командованием дивизиона к наградам.

Наутро батарея Алифанова уже действовала на оборудованной по всем правилам войны другой позиции. И снова для нее день стал таким же не простым по боевому накалу, как и день предыдущий. И в этот июльский день немецко-фашистские захватчики на Орловском выступе получили свое по полной норме. Алифановской норме.

12

Не раз дивизионная многотиражка рассказывала своим читателям и о боевых подвигах батареи 76-миллиметровых пушек, которой командовал гвардии лейтенант Михаил Рогожин. Прошедший суровый урок войны под Ельней, став вместе с 6-й гвардейской, другими соединениями Резервного фронта победителем над хваленным войском Адольфа Гитлера, он и тут, на Орловском выступе бил их снарядами 76 калибра без промаха. Вот только один из поединков его батареи в районе деревни Кашары, что неподалеку от Поньрей. Тогда 4-й гвардейский полк, не дожидаясь восхода солнца, пошел в атаку. Но, не сумев преодолеть сопротивление, вынужден был отступить на прежний рубеж. Фашисты, в свою очередь, перешли в контрнаступление. Основной удар, по всему было видно, нацелили на правый фланг полка. И вдруг пять вражеских танков с пехотой изменили направление и двинулись на батарею Рогожина.

— Спокойно, ребята, — распорядился комбат. — Подпустим, как обычно, поближе.

— Уж бить, то наверняка, — вставил наводчик первого орудия гвардии сержант Муравьев. — Зачем даром тратить снаряды?

— Верно говоришь, Николай. Вот ты и ударишь первым, но не раньше чем за 100 метров от своей пушки.

И Муравьев ударил бронебойным снарядом да так удачно, что стальная громадина тотчас изрыгнула из своего чрева черный дым. Правда, по инерции она прошла еще метров 5-6 и остановилась.

— Врезать по нему еще разок? — пошутил Муравьев, направляя ствол орудия в сторону другого танка. Раздался выстрел, и он с разорванной гусеницей завертелся на месте.

— Этому влепи еще разок! — приказал комбат. Видишь, немчура покидает машину? Подкинь ей шрапнельку.

Третий танк в этом скоротечном бою уничтожил со второго выст-

рела ефрейтор Скворцов. Два других повернули обратно.

Отбил натиск врага и сам 4-й гвардейский полк.

Не уgomонились, однако, немцы.

И снова лезут. И опять

На танке танк, на трупе труп.

И надо бить, жить, стрелять,

Стирая пену с черных губ.

По танкам ударили орудия резерва Главного командования. И радостно было гвардейцам видеть, как они, один за другим, подбитые останавливались на месте.

Тем временем батарея Рогожина осколочными снарядами вела огонь по гитлеровской пехоте. И тоже весьма эффективно. Но вдруг одна из вражеских машин, находясь поблизости и маневрируя, подставила под удар свой левый бок и спровоцировала ефрейтора Скворцова на выстрел. И танк задымил. Рогожин похвалил наводчика:

– Молодец, угодил с первого снаряда.

Тот, радостный, улыбнулся:

– А ничего, что без вашей команды?

– Прощаю такой “проступок”, – улыбнулся и комбат.

Во второй половине дня противнику все же удалось потеснить 4-й гвардейский полк. Да так крайне нежелательно для батареи Рогожина, что она оказалась на нейтральной полосе. Правда, не надолго. 4-й гвардейский полк, предприняв контратаку, выровнял линию фронта.

Радоваться бы артиллеристам, да тут, словно по закону подлости, на их позицию плюхнулся, громко “охнув”, вражеский снаряд. И прямо рядышком с одним из орудий. И погиб весь расчет, где наводчиком был гвардии ефрейтор Скворцов. И — тишина.

– Товарищ старший лейтенант, – обратился один из гвардейцев к Рогожину. – У вас кровь на рукаве.

Рогожин не расслышал.

– Товарищ старший лейтенант, – обратился тот снова, прикоснувшись к его руке.

Оглохший, с кровоподтеком из носа и ушей, Рогожин обернулся.

– Ты что-то сказал?

– В санроту вам надо. На перевязку.

– Ах, вот оно что. Это можно – время идет к ночи.

– Да вот и она, повеселев, сказал солдат как можно громче.

– Кто она, ночь, что ли?

– Да нет, сестра милосердия.

И обошлось все для Рогожина без санитарной роты.

Утром, получив в свое распоряжение еще одну 76-миллиметровую пушку вместе с расчетом взамен вышедших из строя, он снова по-гвардейски принялся бить врага. И по-прежнему

Гремели в долах и лесах

Бои с зари и до зари.

Орел и Курск как на весах,

А посредине – Поныри.

13

Наступившую в палате тишину нарушил молодой чернявый гвардеец с лейтенантскими погонами на плечах.

– А сейчас, – сказал он, – я проведу среди вас литературную викторину. Поправив марлевую повязку на полуостриженной голове, он добавил:

– Итак, внимание, кто наберет в ней больше очков, получит приз.

– Это какой же такой приз? – послышался приглушенный голос из угла палатки.

– Отдаю свой портсигар, – ответил лейтенант. – Прошу учесть также, что он серебряный.

– С папиросами?

– Наполовину.

Все промолчали. И тогда лейтенант, поудобнее улегшись на своем месте, начал:

Уж и есть за что,

Русь могучая,

Полюбить тебя,

Назвать матерью...

Выдержал паузу, спросил:

– Чьи слова?

– Ясное дело, Некрасова, – поспешил с ответом раненый в ногу сфрейтор.

– Есть другие мнения?

Двух мнений не последовало.

– Не угадали, – и в голосе лейтенанта почувствовалось еле заметное сожаление. – Тогда назову автора этих прекрасных слов. Написал их сын воронежского небогатого купца Иван Никитин.

– Молодец, что и говорить, – послышались голоса. – И в самом деле, есть за что любить матушку-Россию.

– Но вернемся к литературной викторине. Даю вам “на съедение”, – пошутил лейтенант, – очередной отрывок из замечательной поэмы одного из русских авторов прошлого века:

Немного лет тому назад,

Там, где, сливаясь, шумят,

Обнявшись будто две сестры,

Приток Арагвы и Куры,

Был монастырь. Из-за горы

И ныне видит пешеход

И башню, и церковный свод.

Но не струится уж под ним

Кадильниц благовонный дым...

Первым решил попытать счастья старшина с еле заметным, скорее всего от осколка, шрамом на лице:

– По-моему, это Лермонтов.

– Он самый, – кивнул головой лейтенант. – Кому ж еще с такой пронзительностью написать эти строчки. А кто правильно скажет, из какой это поэмы?

Опередил других все тот же старшина:

– «Мцыри».

– Точно, молодец мужик.

Старшина не замедлил поделиться своим секретом:

– Так я же в восьмом классе писал сочинение на эту тему.

– Тогда это нечестный ответ, – повеселевшим голосом сказал кто-то из раненых. – А ну-ка, лейтенант, предложи что-нибудь еще да

Медики делали все, чтобы вернуть раненых в строй.

позаковыристей.

И лейтенант предложил:

– Товарищ, верь, взойдет она,

Звезда пленительного счастья.

Россия вспрянет ото сна,

И на обломках самовластья

Напишут наши имена.

– Пушкин?

– Так точно, Александр Сергеевич.

В это время брезентовая дверь палатки распахнулась и вошедшая медсестра скомандовала:

– Лейтенанту в хирургическое отделение на перевязку..

– Так уж срочно?

– Война не ждет, улыбнулась ласково вошедшая. И на лице ее,

Иван Федорович Кожухов, фото 1972г.

молодом и красивом, обрамленным роскошными кудряшками, появился сам праздник. Повеселели, радуясь этому мимолетному видеению, и раненые. Кто-то из них не преминул сказать:

- Откуда родом-то, сестричка?
- Из ливенских краев.
- Значит, земляки.

Другой солдат уточнил:

- Где же могут быть еще такие барышни, как не у нас.

Ушел лейтенант, и голоса в палате умолкли. Где-то совсем неподалеку гремела артиллерийская канонада, слышался гул моторов пролетающих самолетов. Там, совсем неподалеку от этой палатки шла

Фронтальная медсестра
Ольга Кожухова

невидимая для глаз раненых, но ощутимая их сердцами война.

Первой вернулась в палатку медсестра:

- Добился все-таки человек своего.
- Двойную порцию спиртного прописали? На фронт отпросился. Бедовая голова. Уговорил врачей, что, мол, и чувствует себя хорошо, а рана, дескать, скорее заживет в бою.

Не умолчал лежавший в левом углу палатки солдат:

- Молодым все нипочем. Ради награды лезут на рожон.
- Ну, это ты зря, - возразил кто-то. - На фронте намечился перелом в нашу пользу, а мы тут как в гостях.

- Ай тоже решил, как лейтенант?

- И попрошусь.

Дверь палатки снова кольхнула и в нее ввалился со свежей повязкой на голове лейтенант. И сходу похвастался:

Александра Михайловна Шмакова, 1952г.

— Все, братва, рад был знакомству. Через несколько минут отчаливаю в свою часть. Улыбнулся молодо, добавил: — Не могу же я оставить свою роту. Уж больно солдаты там хороши.

Круглые сутки хлопотал на Курской дуге медико-санитарный батальон 6-й гвардейской. Реже — в просторных избах, чаще — в палатках. Под их кровом функционировали приемосортировочный, хирургический, санитарный, эвакуационный, другие взводы и подразделения. И среди медперсонала немало было ливенцев. Одной из них, той самой, что пригласила лейтенанта на перевязку, была Ольга Кожухова. Она и теперь, несмотря на прожитые годы, сохранила черты женского обаяния, которое так кстати всегда было раненым бойцам.

С ее слов и рисуются, так сказать, избранные картинки тех дней. Но прежде открою секрет. Дело в том, что, встретившись раз-другой с шофером санбата старшим сержантом Иваном Кожуховым (девичья фамилия Ольги Зубарева), они, покоровшись обоюдному чувству и с благословения начальника санбата расписались с Иваном в Смо-

родинском сельском Совете, расположенном неподалеку от Поньрей.

Стоит, пожалуй, сказать и о том, что в этой же дивизии прошел нелегкий путь от Ельни до Кром второй Иван Кожухов, где он и сложил свою буйную голову в бою. Увы, не прожил долго и муж ее, Иван первый, скончавшийся от ран в сравнительно молодом еще возрасте. Но это все к слову.

14

В период напряженных боев раненые поступали в медсанбат десятками, а то и сотнями. Одних, наскоро подлечив, отправляли в эвакогоспиталь, других излечивали здесь же с тем, чтобы возвратить в строй. По-особому протекала здесь солдатская жизнь. Врачам и медсестрам требовалось не только обладать нежными, заботливыми руками, добрым сердцем, но и умением разделять с ранеными их боли и страдания, поднимать их дух и настроение. Господь Бог вместе с родителями в меру своих возможностей как раз и наделил щедро Ольгу этими чертами. И чего только не довелось ей повидать...

Однажды в палату поступил тяжело раненый боец, которому в ближайший день-другой предстояло отправиться в госпиталь. Бои к вечеру чуть утихли, тишина наступила и в палате, в которой было около пятнадцати раненых бойцов. И вдруг — песня и такой печальный голос, что хоть роняй слезу:

Ямицк, не гони лошадей,

Мне некуда больше спешить,

Мне некого больше любить,

Ямицк, не гони лошадей...

К нему и подседа Кожухова. Спросила:

— Звать-то тебя как?

— Василий.

— А по батюшке?

— Николаевич.

— Из каких краев будешь, Василий Николаевич?

— Из Судбищ. Слышала, небось?

— Чудак-человек. Так мы вместе с тобой освобождали их от нем-

цев. И уже другим, потеплевшим голосом спросила:

— Хочешь, потихоньку спою для тебя?

*Что ж ты, Вася-Василек,
Голову повесил,
Кари очи замутил,
Хмуришься, не весел...*

— Да не повесил я голову, — засмутился раненый. А Ольга свое:

*Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина,
Никогда не унывай...*

Повеселел солдат, повеселели, услышав песню, другие раненые. Кто-то попросил:

— А для меня не найдется чего-нибудь такого?

Нашлось что-то душевное, вроде лекарства и для него.

Многие сотни, тысячи солдат прошли во время боев на Огненной дуге через санбат. И каждому из них Ольга Кожухова, Мария Тюрина, Александра Шмакова, Надежда Новикова, многие другие ливенские фельдшеры и медсестры отдали частичку своей души.

15

Итак, за 5 дней боев враг продвинулся всего лишь на 10-12 километров, не добившись прорыва тактической зоны обороны 13-й армии, а в ее составе и 6-й гвардейской стрелковой дивизии, потеряв здесь 42 тысячи убитыми и ранеными, свыше 600 танков и самоходных орудий, 500 самолетов. Только солдатами 6-й гвардейской было

уничтожено 8800 фашистов, 256 танков, из них более 20 “тигров”.

За мужество и героизм, проявленные на Орловско-Курской дуге, она была награждена орденом Красного Знамени. Многие сотни гвардейцев удостоились высоких правительственных наград.

*Здесь не было ни гор, ни скал,
Здесь не было ни рвов, ни рек,
Здесь русский человек стоял,
Советский человек.*

Такими словами заканчивается поэма Евг. Долматовского “Поныри”.

... Утром 5 августа красные знамена освобождения взвились над Орлом и Белгородом. Вечером в Москве прозвучал первый в истории Великой Отечественной войны артиллерийский салют в честь победителей.

3000

Сдано в набор 22.12. 2003г.

Подписано в печать 09.02.2004г.

Бумага офсетная 60 г/см²

Формат 60x84 1/16

Условных печатных листов 6,28

Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Ливенский филиал ОГУП «Типография «Труд»

Заказ № 382